

АНДРЕЙ САВЕЛЬЕВ

ЗАВЕТ «ТЕМНЫХ ВЕКОВ»

ТЕРМИНЫ
И КОНЦЕПТЫ
ОСВАЛЬДА
ШПЕНГЛЕРА

К СТОЛЕТИЮ ВЫХОДА
КНИГИ «ЗАКАТ ЕВРОПЫ»

Андрей Николаевич Савельев

Завет «темных веков».

Термины и концепты

Освальда Шпенглера

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68839101*

*Завет «темных веков». Термины и концепты Освальда Шпенглера. К столетию выхода книги «Закат Европы»: Книжный мир; Москва; 2021
ISBN 978-5-6047067-2-5*

Аннотация

Книга доктора политических наук, автора многих книг, известного общественного деятеля, депутата Госдумы 4 созыва Андрея Николаевича Савельева посвящена философскому осмыслению судьбы Европейской и Русской цивилизаций, состоявшимся и грядущим катастрофам, которые обещают «конец истории», погружение в «темные века», после которых начнется новый исторический цикл.

К своим заключениям автор приходит, переосмысляя работы Освальда Шпенглера – главным образом его знаменитую книгу «Закат Европы». Многое из философских размышлений столетней давности к настоящему времени опровергнуто, но самые фундаментальные прогнозы оправдались и не внушают оптимизма в расчетах на XXI век.

Автор книги призывает к мужеству в условиях гибели цивилизации, призывая стоять до конца – как триста спартанцев в Фермопилах. Опыт античности широко привлекается им в книге, изданной в год, когда исполняется 2500 лет Фермопильскому сражению.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Мир-природа	18
Многомерность	21
Числа	31
Иррациональность и трансцендентность	44
За пределами чисел	54
Разметка времени	62
Пространство, время и субъект	69
Причинность и бессмертие	73
Переживание смерти	78
Природа и судьба	84
Вихри становления	87
Такт и ритм	93
Потерянное время	97
Факт, идея, истина	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Андрей Савельев
Завет «темных веков»
Термины и концепты
Освальда Шпенглера
К столетию выхода
книги «Закат Европы»

*Моим друзьям – выдающимся ученым и глубоким
мыслителям – посвящаю: Владимиру Махначу,
Сергею Пыхтину, Борису Виноградову, Владимиру
Авдееву, Леонтию Вызову, Петру Хомякову*

*** * ***

© Савельев А. Н., 2021

© Книжный мир, 2021

© ИП Лобанова О. В., 2021

Предисловие

*Если я пойду долиной смертной тени, то не
убоюсь зла, потому что Ты со мной.*

22 Псалом Давида

Катастрофа неизбежна – даже это утверждение уже опоздало. Катастрофа состоялась.

В это трудно поверить, но от окружающей нас цивилизации не останется ничего, кроме руин мегаполисов, которые простоят еще как минимум тысячелетие. Память об утраченном частично сохранится на периферии, где все еще живут тяжким физическим трудом и натуральным хозяйством. «Последние станут первыми», и при этом они смогу передать будущей цивилизации лишь доли процента научных и технических знаний и практически ничего из культурного наследия.

Перед лицом этой уже совершенно неизбежной катастрофы еще есть шанс зацепиться за жизнь, восстановив технологии вековой данности как резервные. Или бросить все ресурсы на прорыв хотя бы в области энергетики – в призрачной надежде пройти сквозь «игольное ушко», которое предоставит нам история. Но нет сомнений, что этим никто заниматься не станет, и шанс будет упущен – по социальным причинам. Индивидуальной стратегии выживания за преде-

лами олигархических кланов не существует. Поэтому поколения XXI–XXII вв. будут наблюдать развал государств и социальных систем, истребительные межэтнические конфликты, разрушение высокотехнологичных производств, ухудшение условий жизни и не фиктивные, а вполне реальные эпидемии, с которыми некому и нечем будет бороться.

В условиях «темных веков» нет субъекта, который мог бы что-то сделать для смягчения всеобщей деградации и передачи последующим цивилизациям хотя бы самых существенных достижений исторического опыта – как это удалось сделать Византии, передав идею Империи поднимающейся из собственных «темных веков» Руси. В современной России, в Европе, США нет ничего, что могло бы обеспечить такой междивизиационный транзит технологий и культур. Прогрессисты уничтожили цивилизационный дискурс, держатели ресурсов цивилизации – деграданты, аналог Ноева ковчега у не слышащих Бога немислим – им ничего не втолкнешь и они ни к чему не готовы.

Поверить в совсем близкое небытие культуры и цивилизации столь же трудно, как и в личное небытие, хотя история и личный опыт убеждают в смертности всего живого и недолговечности всего созданного человеком. Предзакатные надежды уже в прошлом – Европейская цивилизация, а вместе с ней и Русская цивилизация, погрузились в глубокую ночь «темных веков», в которой мрак разрывается только слепящими электрическими фонарями – технологиями, создаю-

щими иллюзию полноценного существования лишь у недалеких натур. Утренняя радость, дневной восторг и вечерняя печаль цивилизации уже прошли. Мужественное «еще не вечер» сменилось на «уже не вечер».

«Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек, и тогда философия рисует минувшее и будущее в оттенках серого» (Гегель). Ночью она устало садится на ветку, а философ закрывает шторы и беседует при свечах с теми, кого встретит только на том свете. И это время уже не для печали и трагического оптимизма, а для встречи со смертью, которая стремительно стирает все, что тебе дорого и, как тебе казалось, было дорогим и другим. Собственно, философия – это и есть мысли о смерти. Жизнь о смерти не помнит, а просто бодрствует и творит.

Философ – представитель вымершего вида творчества: он не может превратиться в декоратора. От философии осталась история философии, которая практически никого не интересует – исключая тех, кого не устраивает философствование кухонного уровня. Философия – последний признак жизни цивилизации, которая уже завершилась, и стремительно тянет в могилу народы – носители соответствующих культур и исторического опыта. «Темные века» уже наступили, и это приходится признать. Будет ли после них Новая Античность, Новый Ренессанс? Если и будут, то рассчитывать на то, что это станет продолжением именно нашей истории, невозможно. Мы станем немислимой древностью,

и осколки наших творений и нашей мудрости будут копироваться самым нелепым образом. Таких копий нашей собственной древности теперь предостаточно, чтобы быть уверенным в том, что наше время будет понято самым превратным образом.

Систематика в философии создает концепцию, но, если концептуальность переходит определенную грань, она убивает философию как таковую, превращаясь в магию, которая изобретением слов пытается, как пишет Освальд Шпенглер, «защититься от непостижимого»¹. Исключение сферы, в которой никакая систематика не действует, означает исключение научного развития и создание «системы в системе», где разворачивается своя обособленная аксиоматика. Если подобное не только допустимо, но и обязательно в математике, то в философии ограждение систематизированной сферы, уснащенной избытком понятий, оказывается мирком самого философа, который может стать даже модным, но никогда не дотянется до тайн человеческого бытия.

Философия, таким образом, приближается не к математике, а к естественным наукам. Она изучает природный и человеческий мир как единственно данные, а не миры абстракций, где философам делать нечего – там все, что нужно, скажут математики. И поймут только математики – способные

¹ Автор отказывается от указания страниц, что замусоривало бы текст ссылками, которые никто на практике не проверяет. Если кому-то это придет в голову, то это нетрудно сделать по электронным версиям книг. Но вряд ли вменяемому человеку взбредет в голову этим заниматься.

говорить на языке мира, обособленного от природы и человека. Математика даст реальному миру готовые понятийные модели, когда в этом появится необходимость и будут найдены объекты, сходные с определенным математическим формализмом. Но это в современном мире мечта несбыточная. Математики живут прикладными аспектами, а математические теории стали упражнениями для ума, которые в лучшем случае финансируются лишь по привычке – из уважения к непонятным занятиям мудрецов.

Философия больше созерцает, чем объясняет, и это определяет ее связь с жизнью – потоком истории. Попытка все объяснить рано или поздно оборачивается наукоподобным вздором. Объяснение – своего рода «обезвреживание» проблемы, которую можно разрешить, только пережив, а объяснив – только подорваться на этой необезвреженной mine. Не всюду требуется объяснение, понимание и преодоление – то, что свойственно технической цивилизации, и только в ней имеет смысл. Природу не надо преодолевать – это прояснилось во второй половине XX века, но до сих пор человеку недоступно умение жить в природе и подстраивать свой мир под ее мир. Технизированная понятийность убивает среду обитания человека, с которым природа ужиться не может, отодвигаясь в пространстве туда, где человека нет.

Рисование схем Шпенглер называет геометрическим способом обращения с мыслями. В то же время алгоритм – это метод замены множества стандартных процедур одной, из

которой исключена мысль. Это позволяет экономить на размышлениях, направляя их на другие объекты, где чувствование и созерцание еще не убито схемой. Философу надо оставлять пространства, занятые схемами, и двигаться дальше – туда, где еще нет человеческого праздномыслия и наживы. Но социальный предел ограничивает такое продвижение. Поэтому сфера философии сжимается и ликвидируется механистическими алгоритмами. В конце концов, философы уходят в те же «дебри», где обитают математики и туда, где нет человечества. Право на жизнь философу, математику, религиозному подвижнику оставляют просто на всякий случай – из опасения, что они что-то скрывают, без чего жизнь может оказаться невозможной. Шамана тоже не поддерживают щедрыми дарами, но подкармливают как убогого представителя потустороннего мира, ставшего в этом мире совершенно ненужным. Весь опыт цивилизации низводится до мемориального шаманизма.

Единственный способ существовать для философа – прикнуться к вопросам политики и прилагать свою философскую эмпатию к самым острым вопросам современности. Добившись в этом деле признания и бучи принятым в роли политического публициста, философ может позволить себе занятие основным своим предметом – миром Божиим и отношениями Бога и человека, включая самые жгучие вопросы о жизни, смерти и бессмертия.

О каком «завете» говорит автор в названии книги? Не посягает ли он на Библию, не хочет ли подменить ее? Вовсе нет! Речь идет о наставлении тем, кто продолжит путь в «долине смертной тени». Он должен понять, что этот путь холоден и одинок. Здесь каждый сам по себе. И только где-то в конце пути забрезжит прозрение, а с ним и милость Божья.

Причем тут Шпенглер? Притом что в его сложносочиненной философии и очень ясных трудах говорилось о «закате», предвечернем времени цивилизации, а мы проморгали этот закат, и даже не смогли уловить момент, когда он сменился густыми сумерками и уже почти беспросветным мраком. Шпенглеровские мысли помогают сделать следующий шаг в понимании того, что закат цивилизации был не первым в истории, что «темные века» тоже пройдут. Вопрос лишь в том, *кто* их пройдет. И полночные размышления над шпенглеровскими текстами способствуют тому, чтобы не запутаться в малозначимой чепухе.

Слово «термин» кажется общепонятным. Это, вроде бы, то же, что слово (существительное), но определенное в какую-то группу со своей спецификой. При внешней простоте понимания оно не вполне соответствует применению термина «термин». Да, термин – это часть терминологии, а не отдельно взятое слово или словосочетание. Да, у него есть при-

знак, объединяющий его с другими терминами. Но это слово, отделенное от других слов более определенным значением, и очерченным контекстом – термины нельзя применять всюду, где вздумается. По сути дела, термины – это основной словарь науки, научного общения, научные «речения». А слова – это в совокупности язык общения в самом широком смысле.

Наука пользуется также еще и понятиями, которые, в отличие от терминов, обладают более широким охватом обозначаемого. Понятия разъясняются через термины. Понятия служат пониманию терминов, создавая научный контекст, а термины, выпавшие из контекста, выпадают и из науки – освобождаются от свойственного им смысла.

Концепт – это не концепция, а лишь элемент концепции, из которой строится «чертеж» знания. Применение концептов необходимо для краткого изложения концепций, указания на еще не разработанные концепции. Концептами выступают мыслеформы, ограниченные набросками общих планов. Концепт извлекает из потока слов содержательный компонент – самое существенное значение или значение, необходимое для концепции. Через смыслы привлеченных понятий концепт соединяет их с другими понятиями, присутствующими в одних и тех же когнитивных слоях. Концепт формируется как сжатый когнитивно-дискурсивный текст, объективирующий научный контекст, привлекая лексемы, идиомы и афоризмы.

Интегрально: концепт проистекает из ядерных значений слов и формируется в текст, в который вовлечены термины и понятия. Термин можно сравнить с дорожным знаком, понятие – с правилами чтения дорожных знаков (понимание знаков), а слова – с описанием самого дорожного движения, которое в краткой и емкой форме составляются в концепт.

Большой научный текст не обходится без привлеченных хотя бы эпизодически примеров, отвлекающих читателя от обсуждения терминов и концептов. Это облегчает восприятие материала, возвращая возможность эмоционального сопереживания автору. Данная книга – это своего рода беседа с Освальдом Шпенглером, воспроизводящая его воображаемую в творческом пространстве личность. Но также беседа и с читателем, которому предлагается вообразить поток истории, который теперь на глазах иссякает, но (будем надеяться) полностью не иссохнет никогда. И поэтому можно представить себе времена, когда поток снова станет мощным и богатым содержанием – восстанавливая забытые термины, понятия и концепции, о которых мы теперь уже едва помним и не всегда в состоянии осмыслить.

* * *

Шпенглер многое не успел. От политической философии он не успел перейти к политологии, лишь в нескольких статьях коснувшись мировой политики. Он не успел создать за-

думанный труд о микенской эпохе – остались лишь наброски. Он не создал объемных трудов о государственном управлении, правовых системах и образовании, лишь наметив соответствующие темы в публицистике. Он не успел обдумать вопросы мир-экономики и изложил их лишь в одной главе «Заката Европы» очень конспективно, поскольку не знал современных уже ему ростовщических технологий, столь масштабно разросшихся столетие спустя, что иных технологий успешной деятельности почти не осталось.

Шпенглер хорош тем, что соединил многие темы в одну концепцию органического существования культуры и цивилизации, предопределяя фазы расцвета и заката. И сколь бы ни отрешивался Шпенглер от пессимизма своей философии, сколь бы ни ругали его за произвольные трактовки истории, сколь бы ни спорили о том, говорил ли он о «закате», содержание работ Шпенглера предрекло конец европейской истории.

Подтверждают это бестселлеры наших дней – Патрик Бьюкенен «Гибель Запада», Тило Саррацин «Германия самоликвидируется» и многие другие. Даже предсказанная романистами вторая гражданская война в США (аналитически описанная Томасом Читтамом) началась на наших глазах – новыми методами, которые век назад были немыслимы. Очевидные признаки гибели по всему миру скрадываются достижениями научно-технического прогресса, которые позволяет людям не испытывать каждодневного голода

и не замерзает от отсутствия теплого жилья. Культурные и интеллектуальные стандарты еще преподаются в университетах, но их нет в жизни. Культура уже погибла, интернет добывает рассудок, смартфон губит общение, а фантазии об искусственном интеллекте расслабляют правителей до полного нежелания чем-то управлять. Имитационные пандемии стали универсальным методом управления. Деньги – анахронизм, оставшийся в руках бедноты. Денежные суррогаты уничтожили понятие собственности и оставили от средства счета и товарообмена только электронные записи. Биржа – архаизм, сюда уже готовы приглашать для игры на деньги даже 12-летних детей. Сращивание банков с соцсетями и электронной рекламой создало новый субъект глобального мошенничества, который обрабатывает потребителя до полной невменяемости.

Сравнить Шпенглера можно разве что с последним русским философом-энциклопедистом Алексеем Лосевым, который под прессингом коммунистического режима не имел возможности рассуждать на темы мир-истории, мир-политики с привлечением современного материала. Но это позволило ему продвинуться в других направлениях – в древнюю историю и культуру – гораздо глубже Шпенглера. Но эта глубина потребовала такой пространности, которая не смогла бы уместиться в единственный концептуальный труд. По этой причине и нам приходится в некоторых вопросах не слишком углубляться – тем более, что погружение в древнюю ис-

торию и культуру, а также современную политику, состоялось в других книгах. Здесь мы даже не будем ссылаться на них.

Вслед за Шпенглером в данной книге нами поставлена задача дать целостную картину мира, которая укрепляет деятели в его подвижничестве – таком нужном, чтобы история не оборвалась, а продолжилась после «темных веков». Ему есть за что сражаться, есть ради чего жить и умирать. При этом оставаясь практиком и прагматиком – без неумных мечтаний о несбыточном, о чудесном избавлении от напастей, которое принесет вмешательство Бога – в награду за бездейственные молитвы.

Избавление Господь дарует тем, кто действует – живет по Его заповедям, которые были хорошо известны нашим предкам, создавшим великую Державу. И были забыты теми, кто пошел за ее разрушителями, да и теперь – после ужасного опыта XX века – продолжает хулить Христа и Российскую Империю, презирать православных людей и исторический опыт наших православных предков.

Мир-природа

Оторвать философию от естествознания – все равно что уничтожить ее, а естествознание лишить важнейшего инструментария, позволяющего видеть все поле исследований и испытывать любопытство к мирозданию в целом, а не к содержанию своей пробирки. От этого широкого взгляда происходит становление ученого, который лишь со временем начинает видеть Вселенную даже в самом рутинном эксперименте. Кажется, теперь эта способность почти потеряна.

Философ же без естествознания становится начетчиком, который философствует, не ведая об аналогиях между природными и собственными мыслительными процессами, между, к примеру, природными и социальными явлениями. Метод аналогий и заимствований оказывается в таком случае скудным – мысли аналогичны другим мыслям и постепенно сводятся к пересказу или тавтологии. Чтобы философ видел Вселенную, в его размышления должны проникать жизненные явления и научные достижения, и тогда аналогия дает простор для творчества.

Отсутствие интегральных философских трудов ставит ученых на самые нижние ступени социальной пирамиды: они непонятны ни среднеобразованному народу, ни чиновникам, которые чаще всего малообразованны и не имеют желания и способности вникать в научные проблемы. Без

постоянного потока просветительских материалов, без объединения знания в общую систему гуманитарии будут иметь преимущество перед математиками и «естественниками», которым останется только прозябать в роли нелюбимых пасынков неблагоприятного общества и ветшающего государства. Альтернатива – только в принципиальной иной власти, где аристократизм предполагает высокую образованность, а властные полномочия – поддержку ученых (прежде всего – математиков и «естественников») моральными и материальными поощрениями. Только в этом случае социум будет получать достоверные знания о мире окружающей его природы, в которой нет никакой «демократии» – только иерархии, сингулярности и анизотропии.

Никакой «народ» не будет добровольно расставаться даже с минимумом личных сбережений, чтобы поддерживать науку, литературу, искусство. Готовность к жертве всегда было уделом аристократии. Аристократия же устойчива, когда имеет своего вождя, династического правителя, который опирается на аристократические династии. Тогда поддержка наук и искусств естественна и последовательна. Нет аристократии – и научная мысль теряет опору в жизни, становится ненужной, поскольку в ней перестают видеть практическую пользу.

Так судьба цивилизации исчерпывается по мере удаления из жизни общества сначала родовой аристократии, а потом и самовоспитанного аристократизма, имеющего образцы в ис-

торическом прошлом народа. Социум, ведомый «демократами» перестает различать мир-природу, выхватывая из божественно прекрасного мира только то, что можно немедленно потребить.

Многомерность

Иллюзия простоты придает невежеству уверенность в том, что оно понимает достаточно, чтобы не обращаться к ученым и не слушать их, когда они что-то начинают «проповедовать». Среднеобразованный человек уверен, что он живет в трехмерном мире, и это для него само собой разумеется.

Конечно, интуитивно нам дано понимание трехмерности: вперед-назад, влево-вправо, вверх-вниз. Но на самом деле в векторном представлении это уже шесть направлений. Кроме того, для нас измерение вверх-вниз сильно ограничено (выше головы не прыгнешь и до центра земли не докопаешься – там верх с низом поменялись бы местами), а движение в плоскости в масштабах планеты оказывается не движением по поверхности, близкой к форме шара, а движением по маршрутам, где можно проехать-пройти.

Наше бытовое геометрическое пространство с тремя измерениями ограничено несколькими километрами, а зачастую – даже несколькими метрами. Если мы идем по дорожке в лесу, но мы не собираемся двигаться влево или вправо, не собираемся лезть на дерево или пытаться закопаться в землю. Не собираемся поворачивать назад. И тогда наше бытовое пространство одномерно – мы просто идем вперед в одном направлении. Да еще попадаем в ситуацию принятия

решения, когда оказываемся на перекрестке. Это уже не одномерность, но и не двумерность. Здесь – в реальном мире – «мерность» под вопросом.

Шпенглер опроверг зыбкость профанного убеждения в том, что мы живем в трехмерном мире: «...абстрактная система трех измерений является механическим представлением, а не фактом жизни. Переживание глубины *растягивает* ощущение до мира. Направленность жизни была с полным значением охарактеризована как *необратимость*, и какой-то остаток этого решающего признака времени заложен и в той непреложной силе, с которой мы можем ощущать глубину мира всегда от себя и никогда от горизонта к себе».

Именно время создает бессчетное число миров с множеством измерений и собственным понятием протяженности («метрики»). Как только принимается во внимание субъект познания, тут же его позиция становится исключительной, и освоение пространства представляет собой «растягивание», расширение видимого горизонта.

Актуальной трехмерности для человека зачастую нет вообще. В том числе и в научном знании. Например, медицина имеет дело с объемными объектами – органами человеческого тела. Но какое дело, к примеру, фармакологии, до того, какой формы ваша печень? Трехмерность используется для некоторого класса задач. Для других задач требуется 5, 11, 13, 24 измерения. Все это – определенный математический формализм, который позволяет «утрясти» различные мето-

дологические подходы и объяснить наблюдаемые явления.

Мы считаем, что живем в трехмерном мире, когда нам это удобно. Но зачастую нам – как в быту, так и в науке – не нужны три измерения, евклидово пространство и декартова система координат, а нужно что-то совсем другое, и мы интуитивно или осознанно используем другие подходы к пространству.

Можем ли мы установить, что, независимо от нашего сознания, все-таки живем в трехмерном пространстве? Или только по причине «неудобства» иногда его не замечаем или пользуемся придуманными нами «теориями», чтобы упростить для себя понимание событий, происходящих все же в том же трехмерном пространстве?

Зачастую доказательством считают квадратичную зависимость силы от расстояния. Но это объясняется сферически-симметричным пространственным распространением гравитационного или электромагнитного поля. Что, собственно, мы сами и определили, обозначив наблюдаемое различными методами «сферичным». В бытовых масштабах эксперимента опровергнуть это не удастся, но наука выходит за эти масштабы и за бытовые условия эксперимента, где и обнаруживается нечто любопытное и полезное, чтобы продолжать создавать «вторую природу» – свой мир, отличный от мира природного, который также понимается нами без абстрагирования только в бытовых масштабах. «Время рождает пространство, пространство же убивает время». Про-

странство – это застывшее время.

Еще одно «доказательство» также вполне бытовое – мы можем соединить три прямых угла вершинами, а четыре – не можем. То есть, геометрия обыденности – трехмерна. Но это доказательство просто подменяет определение прямого угла, не более того. Прямой угол тот, который удовлетворяет условию собирания трех углов вокруг одной вершины. Но точно так же мы можем собрать и другие одинаковые углы – что хорошо видно в тетраэдре или икосаэдре.

Начиная с планетарных масштабов, мы не видим никаких прямых. Эллиптические, параболические, гиперболические траектории, сферические формы небесных тел, спиралевидные, эллипсоидные и «неправильные» формы галактик совершенно не сводимы к прямым линиям. И единственным исключением является распространение света. Луч света едва отклоняется от прямой – даже в поле тяготения Солнца, а существенно – только в поле тяготения «черных дыр». И тогда мы можем просто определить понятие «прямой» как линии, по которой движется световой луч. Эта «прямая» – кривая.

Микромир также «не любит» прямых. Связанный электрон существует либо как облако, где говорить о трехмерности затруднительно (скорее, можно сказать о нуль-мерности), а свободный перемещается как волна. Предполагается, что квантовый эффект Холла демонстрирует четвертое пространственное измерение. Но это экзотика, вытекающая не

из природы, а из описывающего ее формализма.

Все живое исключает симметрию относительно правой и левой стороны – это установленный факт. Почти все биомолекулы хиральны: закручены в определенную сторону. Это касается белков, ДНК, РНК. Простые биомолекулы с «закрученностью» в одну сторону имеют зеркально симметричные аналоги, но они встречаются в природе крайне редко. Хиральная чистота биосферы – нечто поразительное, совершенно несовместимое с евклидовой изотропностью пространства. Стереометрия молекулы принципиальна: левовращающая может вступать в определенную реакцию, а правовращающая – нет.

Человек расчерчивает сомасштабное ему пространство на вертикали и горизонтали только в целях экономии мысли. Архитектура возникает там, где появляются абсидальные формы, арочные и купольные конструкции. Из одних прямых архитектуру не создать. Ничего «трехмерного» нет в последовательности нервных импульсов, бинарном коде вычислительных машин, алфавите, языке, музыке. Все это существует вне евклидова пространства. И это говорит о том, что наш мир (мир человека) – не имеет ничего общего с трехмерностью.

Метрика определяет, что такое «расстояние» в данном воображаемом (построенном) пространстве. Попытка определить «расстояние» в больших базах данных создает проблему метрики. Например, в массиве генетической информа-

ции определить «расстояния» между каждой парой индивидов или группами индивидов (народами). И это продолжение умозрения: что мы назовем «расстоянием», то и будет расстоянием. Но кто-то другой может в этом многомерном пространстве определить расстояние иначе.

Хорошо, если в базе данных все цифры представлены одной и той же единицей измерения. А если в них рост, вес, группа крови и так далее? Что тогда есть расстояние между двумя людьми и как перевести «тонны в километры»? Здесь евклидова метрика совершенно не подходит. А какая подходит – предмет выбора специалиста (математик может ему только помочь в этом выборе, но не дать однозначный ответ).

В теории относительности пространство-время имеет три координаты с единицей измерения расстояния, а одну – длительности. Метры смешиваются с секундами. И что тогда есть «расстояние» в таком пространстве? Понимание метрики здесь может быть только конвенциональным, потому что принцип перевода метров в секунды определить невозможно. В статистической физике пространство и вовсе бесконечномерно.

Стохастический элемент реальности, куда может вклиниваться творческая воля человека, у Шпенглера размещается во временной координате: пространство противоречит (оппонирует) времени, хотя в основе времени лежат пространственные смыслы. Время есть одна из координат реальности, которая ничем не уступает пространственным координатам.

Это умозрение удобно теоретикам, которые вообще все мыслимые координаты (которых для объяснения экспериментальных событий становится все больше и больше) просто как x_i . Между тем, интуиция подсказывает, что «ближе-дальше» – это совсем не то, что «раньше-позже». В координатах стохастический элемент может быть лишь расчетной проблемой. Актуально предметный мир имеет свои координаты, даже в условиях квантовой неопределенности. Если мы хотим получить координату, пожертвовав знанием скорости (то есть, воздействия времени на координату), мы ее получим. Поэтому момент творения находится в координате – там присутствует неопределенность. И поскольку мы знаем неопределенность в макром мире – не только из бытового, но и всякого научного опыта, то никакие теории с дополнительными координатами не могут отнять этого свойства у времени. Хотя, быть может, могут также содержать стохастическую компоненту.

В массивах разнородных данных многомерность совершенно бессмысленна, пока не сведена до двухмерности. Для этого применяются различные методы: метод главных компонент, метод многомерного шкалирования и другие. Социально значимая информация требует наглядности. В противном случае даже соглашение о том, что считать метрикой, не поможет: модель окажется непрактичной, ее выводы не будут признаны полезными.

Евклидово пространство оказывается лишенным объект-

ности. Оно – абстракция, которая может существовать только без объектов, которые можно было бы изучать. Поэтому и само утверждение, что мы обитаем в трехмерном пространстве, оказывается бессмысленным. Объявление всеобщим законом теоремы Пифагора представляется тавтологией: трехмерность обнаруживается там, где применяется «линейка» и определенное представление о том, что такое расстояние. Как только в дело вступает циркуль, теорема Пифагора оказывается бесполезной.

Судьба Вселенной зависит от того, сколько в ней массы-энергии, а следовательно, какова ее кривизна, мало отличимая от «прямыны». Если плотность вещества во Вселенной выше критической, то она когда-то начнет сжиматься; если ниже критической – разлет вещества приведет к «тепловой смерти». В любом случае, Вселенная не статична – не замерла в состоянии, когда сумма углов треугольника равна строго 180 градусам. Она может приблизиться к евклидовой модели лишь при определенной плотности вещества, называемой критической – когда разлет вещества будет продолжаться все медленнее, пока не прекратится в какой-то необозримой перспективе. Показатель кривизны по сегодняшним измерениям и расчетам таков, что на масштабах, в которых влияние галактик можно считать несущественным, Вселенная и так «почти евклидова». Но в этом «почти» скрывается загадка: «почти» – это мало или много? И для чего это мало, а для чего много?

Пуанкаре писал: «Опыт не доказывает нам, что пространство имеет три измерения, он доказывает, что удобно приписывать ему три измерения, потому что именно таким образом число ухищрений сводится к минимуму». Пустое пространство без вещей и вещества, действительно, просто заполнить прямоугольными треугольниками, разбить на кубики и «доказать», что оно – евклидово. Но это мертвое пространство, умозрение по поводу пустоты.

Возможно, «зацикленность» на трехмерности определяется тем, что мы переживаем в своем сознании в основном «светомир» – видим прямолинейность пучков света и пытаемся переносить свой зрительный опыт в области знания, где он неприменим. В науке продуктивны модели, где нет трехмерности. Что касается уверенности большинства, что их жизнь проходит в трех пространственных измерениях, то это всего лишь массовое заблуждение.

Все, что мы можем придумать о нашем мире, опираясь на бытовые представления о пространстве и времени не годится ни для философии, ни для математики, ни для физики. Если «пиксельность»² (дискретность) мира, в котором мы живем, когда-нибудь будет открыта (закреплена как продуктивная модель), то это сломает многие теории. Но не потревожит бытовых представлений. Лишенный воображения

² Под «пиксельностью» следует понимать такую дискретность, которая в каждом «пикселе» имеет свои собственные свойства – как на цифровой картинке с миллиардом цветовых оттенков в каждом пикселе.

социум будет полагать, что находится на предельно высоком уровне научности, полагая мир трехмерным. Если в нем не находится достаточного числа «чудаков», понимающих, что мир устроен по-другому, то жить такому социуму осталось недолго.

Числа

Понимание числа для первобытного человека было чудом. Даже понимание разницы между единичностью и множественностью – энтелехия просыпающегося сознания. Хотя и животное различает между одним, малым и многим, когда это касается его выживания. И животное можно научить счету – но не более чем до десятка. Поэтому словообразование для обозначения второго десятка очень своеобразно. И только с 20 идет общее правило дополнения десятков единицами. 20 – это по-настоящему «много».

Шпенглер полагал, что числа разграничивают природные впечатления точно так же, как имена богов разграничивают (можно сказать, «сюжетно размечают») миф. Именование богов и именование чисел – это способность человека, которую приходится признать равнобожественной. Человек называет богов! И лишь неназванные, не имеющие имен боги угрожают человеку вторжением из иных миров, чьи законы еще не прочувствованы в мире человека. Называние – это заклинание, а заклинание – это в некоторой степени подчинение. Если не Бога, то мира Божиего – наравне с самим Богом. «Именами и числами человеческое понимание приобретает власть над миром».

Природа и история у Шпенглера радикально разделены тем, что природа может подвергаться счислению и подлечит

счислению, коль она так устроена. А вот история неисчислима, а потому не имеет отношения к математике. Прогноз всегда будет опровергнут, потому что будущее нам не принадлежит – мы не знаем, что оно из себя представляет. Попытка заглянуть в будущее всегда терпит неудачу, но без таких попыток переживание человеком истории невозможно. Человек скорее пытается почувствовать будущее, чем исчислить его параметры – хотя бы какие-нибудь.

Будучи знаком с современной ему математикой, Шпенглер, как ни странно, считал ее культурно зависимой – «стиль какой-либо возникающей математики зависит от того, в какой культуре она коренится, какие люди о ней размышляют». Исходя из наших представлений о математике, следует заявить, что математика – это особая культура мышления, которая в некоторой части становится доступной тем, кто избрал популярную профессию программиста. Но все же настоящая математика – это таинство иной культуры, которая выбивается из любых культурных норм.

Натуральный ряд чисел – основа математики. Да и в целом миропонимания, поскольку за каждым натуральным числом скрывается определенная «философия», акт мышления. Бесконечность познания выражена в бесконечности натурального ряда, а локальная конечность – в ограниченном наборе операторов. Как и в природе: законов мало, объектов, к которым они прилагаются – много. Проблема состоит в том, где разумно оборвать натуральный ряд, чтобы не

выдумывать несуществующие объекты мышления? Скорее всего, его оборвать нельзя – если смыслы в начале ряда цепляются за каждое число, то дальше плотность смыслов падает, потому что множество цифр можно заменить так же, как и иррациональные – два числа и оператор между ними³.

У единицы нет физического образа. Она несет в себе все исчисление, не тревожа его в умножении и устраняя при делении любого числа или функции на себя, оставаясь незримой константой, к которой стремятся все сходящиеся ряды. Галилей писал в «Беседах»: «Если какое-либо число должно являться бесконечностью, то этим числом должна быть единица: в самом деле, в ней мы находим условия и необходимые признаки, которые должно удовлетворять бесконечно большое число, поскольку оно содержит в себе столько же квадратов, сколько кубов и чисел вообще... Единица является и квадратом, и кубом, и квадратом квадрата и т. д... Отсюда заключаем, что нет другого бесконечного числа, кроме единицы. Это представляется столь удивительным, что превосходит способность нашего представления». Безмерное понимается (точнее, метафизически предощущается) в единичном, счет – до начала всякого счета. Единица представляет мысль о целостности уникальности и божественно-

³ Понятно, что тривиальные случаи, вроде сложения с единицей, следует исключить. Также есть какие-то таинственные свойства за пределами ряда простых чисел. Возможно, потому что натуральный ряд линейен, но с его помощью приходится выражать объемные смыслы – в двух и более измерениях. Одного оператора для определения смысло содержащих чисел, видимо, недостаточно.

сти. Она же и основа счета – «один, один, один...» Неразличимые объекты именно так и считаются. Но стоит идентичное различить хоть в чем-то (местоположении, времени...), и счет стронется с мертвой точки: «Один, два, три...».

Пифагор полагал, что первообразы и первоначала не поддаются изложению в словах, поэтому и приходится для ясности обучения прибегать к числам... Все разнообразие окружающего мира состоит из единичных вещей и событий, и самый первый взгляд не видит в нем никакого повторения. Отсюда – первичный статус единичного во всяком познании. Единичное символизируется как число – единица. Также единица символизирует понимание личного уникального «я»: один перед Богом, и не на кого свалить свои грехи. Отпадение от Бога означает неизбежную гибель: социум уже ничем не сплотить: без Бога одиночные «я» теряют понятие греха и связь с другими «я» через Бога. Только в Боге создается единомушие, единочувствие, целостность – что пифагорейцы называли Единицей (Порфирий, «Жизнь Пифагора»).

Как только появляется различие, неравенство, разделение, у пифагорейцев обнаруживается понятие о Двоице. Число «2» обнаруживается в виде отрицательной степени расстояния в законе всемирного тяготения и законе притяжения разноименных зарядов с «божественной» точностью, как только мы определяемся, что поле распространяется в трехмерном пространстве. То есть, точность здесь – не ре-

зультат исчисления или теории, а результат конвенции.

В геометрии теорема Пифагора стала переходом в двумерное пространство из актуальной одномерности – громадным рывком мысли, переоткрытием природы, не случайно оставшимся таинством пифагорейской секты. Теорема Пифагора была прорывом – восстановлением божественной природы чисел, которая была поколеблена видимой невозможностью иррационального числа, представляющего диагональ прямоугольника, поразившей Пифагора настолько, что он счел это открытие сакральным знанием об ограниченности способностей богов.

Шпенглер напоминает про странный позднегреческий миф, согласно которому тот, кто впервые нарушил тайну рассмотрения иррационального и предал ее гласности, погиб при кораблекрушении, «поскольку несказанное и безобразное всегда должны пребывать сокрытыми». «Кто почувствует страх, лежащий в основе этого мифа, – тот самый страх, который постоянно отпугивал греков наиболее зрелого времени от расширения их крохотных городов-государств в политически организованные ландшафты, от устройства широких улиц и аллей с открытыми видами и рассчитанной отделкой, от вавилонской астрономии с ее проникновением в бесконечные звездные пространства и от использования средиземноморских путей, давно открытых кораблями египтян и финикийцев, – глубокий метафизический страх перед растворением осязаемо-чувственного и настоящего, того именно,

чем античное существование как бы огораживало себя защитной стеной, за которой дремало что-то леденящее, бездна и первопричина этого в известной степени искусственно смастеренного и утвержденного космоса, – кто уяснит себе это чувство, тому откроется также последний смысл античного числа, меры, *противопоставленной безмерному*, и высокий религиозный этос, заключенный в его ограничении».

Земли у греков было много, но плотная застройка минимизировала затраты на оборону – сооружение стен. Хотя многие города обходились без стен, плотная застройка сама становилась оборонительными рубежами. Ужасные существа и могучие разбойники – это предания микенских времен. Грек их слушал как сказку, но в реальности знал, что путь до соседнего города безопасен, пока нет войны. Безмерность была чужда древнему греку так же, как и современному человеку со смартфоном в руках. Она – предмет размышлений узкого круга людей со сверхчеловеческими задачами.

Вернувшись к «двойке», мы должны увидеть в ней самую возможность мышления, подтвержденную бинарным кодом – наиболее удобным для устройств быстрого счета. Скорость операций перекрывает примитивность кода, состоящего из «нуля» (нет сигнала) и «единицы» (есть сигнал). Сама логика с законом исключения третьего – это тот же бинарный код: «А» и «не А», а третьего не дано. До тех пор, пока сама мысль не создаст зазор между «А» и «не А». Что уже есть посягательство на божественный порядок, где есть только «да»

и «нет», а остальное – от лукавого.

Бинарная сущность пола очевидна своими зримыми признаками, но скрыто предопределена генетической разницей мужского и женского, из которого следует масса смыслов, усекаемых извращениями «третьего пола» и сторонниками замены синтеза мужского и женского бесполоыми: родителем-1 и родителем-2.

В теореме Ферма «2» становится определенным рубежом. Более высокие степени для целых чисел невозможно разбить на два целых числа в такой же степени. Теорема была сформулирована в 1637 году, а решена Эндрю Уайлсом с коллегами в 1995 году (публикация на 130 страницах). Поиски доказательства свели с ума тысячи математиков и закончились, когда созрели новейшие математические методы. Сам Ферма привел доказательства только для 4, позднее другие математики доказали теорему для 3, 5, 7. Затем нашлось доказательство для всех простых чисел меньше 100. Наконец, теорема была доказана, и это потребовало продвижения в целом ряде математических дисциплин.

«Тройка» – первый выход мышления за очевидный и удобный предел. Это порождение – из закона логики, из закона пола, возвышение над привычной для ощущения двумерностью образов окружающего мира. Восточная мысль определяет число «3» как магическое, поскольку в теле человека отсутствует что-либо в количестве трех. У пифагорейцев магия Тройки заключается в том, что любой процесс

имеет начало, середину и конец.

С «тройки» начинаются чудеса. Из равнобедренных треугольников можно сложить паркет, из квадратов – тоже. Из треугольников и квадратов можно сложить объемные фигуры. А из правильных пятиугольников нельзя сложить ни паркет, ни объемную фигуру. Треугольник в виде тетраэдра прорывается в объем. Но для этого нужно четыре треугольника. Квадрат прорывается в объем только в наборе из шести штук. А пятиугольник «проскакивает» трехмерное измерение и «уходит» далее – в четырехмерное пространство, которое не постигнуть чувственным опытом. Оно уже полностью умозрительно. Но стоит добавить к пятиугольникам треугольники, и снова можно «опуститься» в двумерное пространство и сложить паркет.

«Четверка» существует в трехмерном пространстве как тетраэдр, который создает жизнь, основанную на четырехвалентном углероде. Четверке пифагорейская традиция приписывает устойчивость и статическую целостность. Восточные суеверия считают это число «плохим» (примерно так же, как число 13). В буддизме 4 благородные истины (не что существует, не существует, существует и не существует одновременно, не может рассматриваться ни как существующее, ни как несуществующее). В христианском символизме указывается на стороны света и полноту всеприсутствия, в талмудическом ритуализме – в различных правилах.

Соотношение сторон прямоугольного треугольника в ви-

де 3:4:5 – единственное для последовательных целых чисел (пифагорова тройка). Хотя есть трехмерный аналог теоремы Пифагора для прямоугольного тетраэдра, но «пифагоровой четверки» не существует. Равная разница между прилегающими к прямому углу гранями с соотношением n : $(n+1)$: $(n+2)$: $(n+3)$ существует только при значении площади меньшей грани $\sqrt{2}$.

«Четверка» и «пятерка» всплывают в числе измерений (независимых координатных осей), которые считаются счетными, но, наверняка, можно построить какую-нибудь модель с дробным, иррациональным или мнимым числом измерений. Знаменитая «гипотеза Пуанкаре», которая (как считается) была доказана Григорием Перельманом, в 1–3 измерениях тривиальна, в ситуации свыше 6 измерений решается просто, поскольку для этого много «степеней свободы», а самое сложное решение – для 5 измерений, пришлось на долю российского ученого-чудака, который отказался от положенной ему премии в миллион долларов, считая, что ему деньги не нужны, коль скоро он знает, как устроена Вселенная.

«Шестерка» – в виде бензольного кольца уникальна тем, что ничего подобного другие числа в окружающем нас мире не предлагают. А «шестерка», оставаясь «плоской» конструкцией, порождает массу «двумерных» веществ – от духов до тротила. Платоновская нумерология предполагает, что число 6 символизирует Творца, а число 7 – строение мира. Последнее, вероятно, связано с тем, что невооруженный

человеческий глаз видит, помимо звезд, семь небесных объектов – Солнце, Луну и еще пять планет.

«Десятку» пифагорейцы считали совершеннейшим числом, в котором присутствуют все отношения и подобия между числами. Для нас 10 – основа десятичной системы счисления.

Простые числа в полярных координатах (n, n) образуют на плоскости архимедовы спирали – 2, если рассматривать точки на плоскости вблизи начала координат, и 20, если включить в картинку несколько тысяч точек. Дальнейшее увеличение числа включенных в картинку формирует на ней 280 лучей. Та же картинка будет и с целыми числами, но при более плотном заполнении пространства линии зрительно сливаются. Важно, что здесь проявляется «сакральное» число 20 – для ситуации с простыми числами.

Современная наука вполне может считать «20» «священным числом» – это количество видов аминокислот в белке. Как и число 23 – количество хромосом, которые передаются каждым родителем ребенку (всего 46 хромосом). Нечетное значение определяет различие вклада в наследственность от дедов и бабок (чего нет у человекообразных обезьян – с 24 хромосомами). Кроме того, в теле человека 23 межпозвоночных хряща, а в руке человека 23 сустава.

Мы не можем знать, что означают некоторые сакральные цифры. Если не считать цифры, образованные дюжинами и десятками (а также их целыми долями), то самое распро-

страненное число в Библии – 42, в раввинской литературе – 72.

В Евангелии от Иоанна указывается число 153 (тщательно пересчитанное число рыб в сети), которое не имеет объяснений. Это «число Армстронга» (одно из четырех трехзначных), равное сумме возведенных в куб цифр, составивших это число. Или же сумма натуральных чисел от 1 до 17.

В «Апокалипсисе» число 666 также обладает неизвестными нам свойствами – его религиозное значение нам не открыто.

В диалоге Платона «Тимей» творец Вселенной разделил единое на множество частей, сообразно тщательно описанному, но не вполне ясному плану, который доходит до учета соотношения частей 256 к 243. Первое число это $4^4 = 2^8$ (а также число значений одного байта), второе число это 3^5 .

В «Законах» Платон приводит желаемое число жителей города – 5040, которое имеет 59 делителей. Большое число делителей считается преимуществом, поскольку удобно объединять людей в равные по численности группы – в зависимости от стоящих перед городом задач. На востоке такие числа пользовались репутацией священных – число бусинок в четках 108 (число имен Шивы в индуизме, число греховных страстей в буддизме – соответствует числу мантр).

Число мыслится отвлеченно или в виде образа до тех пор, пока к нему не прилагается естественнонаучная концепция. И тогда математическая теория обретает почву под ногами

и используется вместе со всеми своими доселе «бесполезными» достижениями. Удивительно, но мир-природа почти всегда (или: рано или поздно) находит свое «нумерологическое» выражение. «Сакральные» наборы чисел открываются в квантовой физике с использованием математической теории групп симметрии, а тензорное исчисление превращается в удобный формализм для создания общей теории относительности.

Выделенные самой природой числа отражаются различной степенью распространенности химических элементов во Вселенной. Некоторые атомы со своим набором протонов и нейтронов в ядрах оказываются более устойчивыми, чем все остальные – гелий, кислород, кальций, железо (атомные веса – 4, 16, 40, 56). Но зато особо дороги для нас такие элементы таблицы Менделеева, которые менее устойчивы и позволяют извлечь из них энергию.

Может быть, сложность физической картины мира когда-то сведется к геометрическим соотношениям, а пока фундаментальные физические постоянные поражают нас своей устойчивостью, которая позволяет существовать нашей Вселенной, зарождаться жизни, порождать познающего эту Вселенную человека. Дополнительно некоторые постоянные удивляют нас «почти точными» значениями: постоянная тонкой структуры «почти точно» $1/137$ (впрочем, это опять конвенция), постоянная Авогадро – «почти точно» $6 \cdot 10^{23}$, скорость света в вакууме удивительно близка к числу

300.000 км/с (2,9979). И так далее. Может быть, нам стоит «подтянуть» нашу систему единиц к точным значениям, и тогда мир покажется не таким сложным.

К чему все это? – вправе озадачиться читатель. А к тому, что таинство числа – это техника науки. Пока цивилизация оперирует числами – в сакральных и научных дисциплинах, она ищет смыслы и истины. И расцветает. Если же все это в вопросе о судьбе цивилизации «ни к чему», то это ответ гибнущей цивилизации. Неслучайно Шпенглер пытался найти для каждой культуры (цивилизации) свой стиль оперирования с цифрами. Не нашел, но пытался. И это говорит о том, что в его философии цивилизация жива. А когда от цифр остается только подсчет расходов и доходов, то цивилизация мертва – ее не привлекает мир чисел и не интересуют те, кто исследует этот мир, предощущая в нем открытия мир-природы.

Иррациональность и трансцендентность

Для простейшего счета все числа равноценны. Подступая к божественному знанию, мы видим, что среди них есть особенные, имеющие собственные «задачи». Но в иных измерениях натуральный ряд цифр – сложен, а фундаментальные иррациональности просты и составляют целый класс прозрачных истин.

Шпенглер полагал, что в архитектуре древних греков и готических соборов явлена евклидова геометрия. Но это ошибка. Греки как раз заложили основу поправок к геометрии с учетом зрительных искажений. Они не строили фундаменты храмов по линейке, поскольку тогда взгляд со стороны делал бы их искривленными. Парфенон вобрал в себя множество подобных архитектурных уловок. Простейшая геометрия для архитектора – только самый примитивный уровень его искусства, в котором есть закономерности не только внешних форм, но и внутреннего содержания, позволяющего возводить сооружения, существующие веками.

Пифагор, – пишет Шпенглер, – изрек решающую формулу: число было для него межевым знаком ставшего. А вот Евклид, завершивший в стереометрии античную математику в 3 в. до н. э., «говоря о треугольнике, с глубочайшей необходимостью имеет в виду ограниченную поверхность тела,

но никогда – систему трех пересекающихся линий или группу трех точек в трехмерном пространстве. Он характеризует линию как „длину без ширины“. В наших устах эта дефиниция была бы жалкой. В пределах античной математики она превосходна». Но что же здесь жалкого? Длина без ширины – самое короткое определение, самый компактный алгоритм для понимания. Никакого даже сравнительно компактного определения для понятия «кривая» современная математика не знает. Она занимается классами кривых, каждый раз измышляя свое – весьма нетривиальное – определение.

Шпенглер в противовес мнению Канта считал, что «западное» число «изошло не из времени, как априорной формы созерцания, но в качестве порядка однородных единиц является чем-то специфически пространственным». «Античное число не есть мышление о пространственных отношениях, но о размежеванных для *телесного глаза* и осязаемых единицах. Поэтому античность – это следует необходимым образом – знает только „естественные“ (*положительные, целые*) числа, которые среди многих в высшей степени абстрактных родов чисел западной математики, комплексных, гиперкомплексных, неархимедовских и прочих систем играют ничем не примечательную роль».

Получается, что представление об иррациональных числах и всяческих «не совсем числах» было недостижимо для греческого ума. Евклид говорил, что несоизмеримые отрезки ведут себя «не как числа». Простой счет и простое из-

мерение отрезков не входят в понимание сущности числа и зыбкости самого измерения, как только оно выходит в плоскость и разграничивает и размечает пространство.

Мы оспорим этот тезис. Действительно, иррациональные числа – это «не числа». Ими невозможно оперировать в общепринятой записи. Они могут записываться как два числа и связывающий их оператор, как число и оператор, порождающий последовательность чисел, в пределе приближающихся к иррациональному «числу». Поскольку исчисление иррациональности имеет смысл только до какого-то разумного предела, то упрекать греков в том, что они этого не делали – нелепо. Операциональное представление иррациональности также гораздо удобнее, если иррациональности при вычислениях «съедают» друг друга.

Трансцендентные числа не получили разрешения, подобно тому, как гипотенуза обнаружила свою сущность через дополнительное измерение в теореме Пифагора. Число «пи» не вписывается в геометрию: циркуль и линейка оказываются принципиально разными инструментами, применимыми для разных измерений, не сводимых одно к другому. Трансцендентные числа, не имеют основы в алгебраических уравнениях. Они следуют правилу: «Кривое не может сделаться прямым» (Экклесиаст). Экспонента – аналогичная «неправильность», заменяющая всюду возникающий из какого-то иного мира бесконечный ряд, сумма которого не получает счетного значения. И подобными «иномерными» объектами

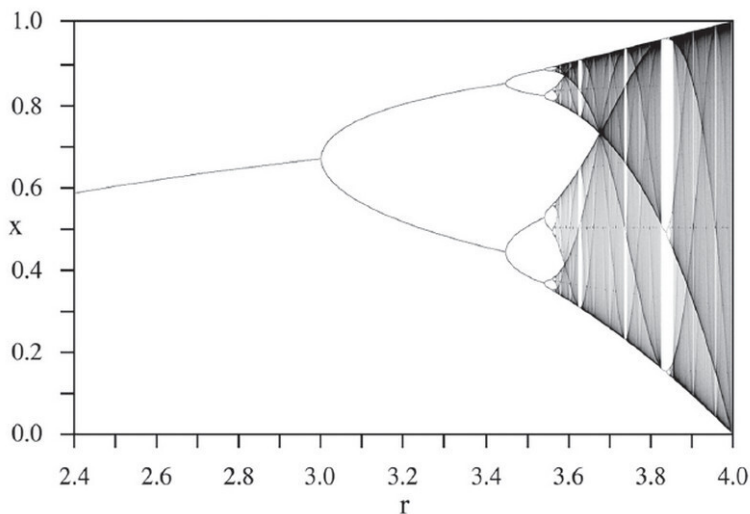
полны физико-математические теории. В каких-то иных измерениях они должны быть «единицами», реперами, от которых идет простейший счет.

Необычные постоянные возникают в математике совершенно неожиданно, и представляют собой скрытую конструкцию Вселенной, которая пока не дана нам в ощущении – есть только намек в математической модели. Одна из таких моделей связана с популярным, и широко вошедшим в гуманитарные науки в конце XX века термином «бифуркации».

Одна из простейших динамических систем, где происходит каскад бифуркаций – это отображение $x_{n+1} = r x_n (1 - x_n)$, которое может моделировать множество процессов (численность популяции животных, фибрилляцию сердца и так далее). В зависимости от значения параметра r может произойти бифуркация, при которой предельный цикл (достаточно большие n) удваивает свой период. При достаточно больших n значения $r(n)$ по геометрической прогрессии сходятся к фиксированному значению a_∞ , причем показатель прогрессии оказывается общим для широкого класса функций (функции с одним максимумом) $x_{n+1} = f(x_n)$. Этот показатель называется первой константой Фейгенбаума и равен $4,669\dots$ почти точно $4,67$. Вторая константа Фейгенбаума определяет соотношение ширины ветвей на диаграмме – $2,50\dots$ почти точно $2,5$. Являются ли эти числа трансцендентными, пока неизвестно.

Трудно оторваться от загадочной картинки, которая воз-

никает из столь простой последовательности. Образ бифуркации в данном случае демонстрирует переход от числа к имени (термину) – своего рода математическому чуду, заимствованному в других областях знания. Эта картинка также иллюстрирует переход порядка в хаос, который может быть обращен вспять: из хаоса может родиться порядок. Из математических моделей сложных колебаний возникает целый терминологический пласт, который позволяет описывать органические процессы в самых разных областях знания. Например, мы можем утверждать, что в «темных веках» точки бифуркации уже все пройдены, и мы находимся в стадии, когда хаотические компоненты бытия решающим образом преобладают над упорядоченными. Хаотизированное сознание не может видеть будущего. Но для информированного оптимиста понятно, что хаос сменится порядком, и знаки будущего при желании можно отыскать уже сейчас.

На практике трансцендентными числами можно пользоваться, считая их исчислимыми, но только до необходимого предела точности. Потому что в природе не существует ни идеальной прямой, ни идеальной окружности. Пока компьютер считает медленно, с трансцендентными числами удобно оперировать только как с символами. Но как только скорость счета оказывается достаточной, проще сразу производить «пиксельный» подсчет, пропуская символическую запись.

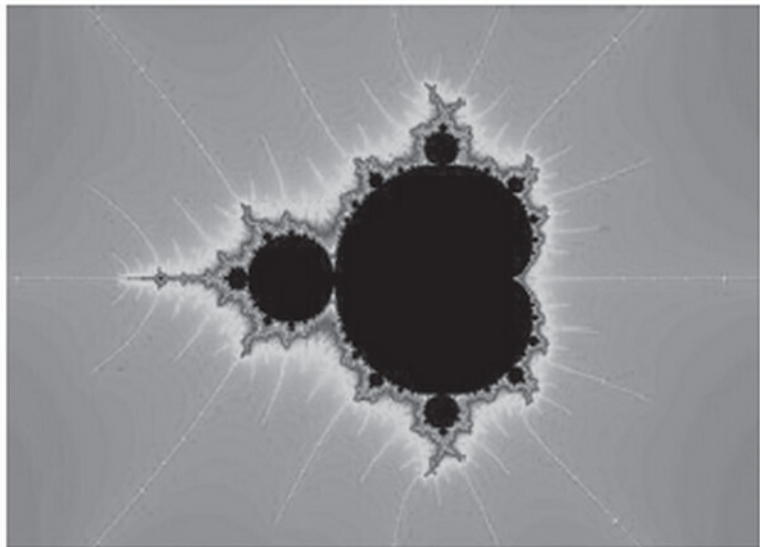
Особый тип трансцендентности – «то, чего не может быть» – также был приобщен к математическим методам.

Комплексные числа, применение которых толком не обосновано, оказались очень удобным инструментом для решения множества математических задач. Комплексное число представлено двумя значениями – своими действительной и мнимой частью. То есть, точкой на плоскости. Простейшие рекуррентные последовательности порождают на этой плоскости удивительные фигуры, которые превращают теорию комплексных чисел из технической уловки в целый мир образов.

Наиболее популярная последовательность $z_{n+1} = z_n^2 + C$, $z_0 = 0$ формирует на комплексной плоскости множество Мандельброта с удивительными свойствами самоподобия. Последнее трудно приять рассудком, который должен смириться с тем, что бесконечно тонкой линией можно заполнить полосу на плоскости ⁴. (Что, для «пиксельного» подхода не составляет проблемы – там линия всегда имеет толщину).

Определенные правила раскраски множества позволяют создавать фантастические картины, поиск которых стал распространённым для математиков увлечением. Но это мир не только картинок, но и целое направление в математике со своими теоремами.

⁴ И все-таки есть сомнение, что это так. Кажется, это утверждение относится к парадоксальным: его нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Бесконечная линия всегда проскользнет сквозь «игольное ушко» произвольно уменьшенной ϵ -окрестности произвольно выбранной точки. Но «ответным ходом» эта окрестность может быть уменьшена, чтобы линия не проходила через нее.

Если кому-то захочется посетить иные миры и запечатлеть их в зримых образах, то для этого не требуется космолета и многих лет путешествия в пространстве – достаточно заглянуть в множество Мандельброта. Трудно придумать что-то более наглядное для демонстрации вихрей становления. Видимо, несложно внести в формулу параметр времени, чтобы самоподобные вихри пришли в движение.

Может ли современный человек оценить самоподобные миры? Нет, для него это только курьез, привлекающий внимание своей наглядностью. Что-то вроде компьютерной графики – усложненной версии анимированных картинок – мультипликации. Между тем, именно в мире математики на-

глядно отражено то, что должно быть в мировоззрении культурного человека: иррациональное и трансцендентное. Самоподобию же еще предстоит обосновать философский концепт.

За пределами чисел

Широко известно высказывание выдающегося математика Леопольда Кронекера: «Бог создал целые числа, а все остальное это работа человека». Нецелые числа – это, в хорошем случае – число + оператор. Или два числа + оператор (например, операция деления двух целых чисел). Если мир дискретен, то, возможно, Бог создал только «0» и «1». А человеку дал сознание, чтобы он сначала сам поработал несколько тысячелетий калькулятором, а потом придумал компьютер. Который всегда точен: что считать и как считать ему задает человек. Если же человек не имеет точных данных и задает какую-то погрешность, то компьютер точно ее учитывает. Или указывает на неустойчивые решения, в которых с течением времени погрешность нарастает. Наконец, весьма «точно» расчет может запутать траекторию или фазовую диаграмму – до того, что приходится применять понятие «странного аттрактора».

Можно считать, что числовой счет всегда точен, а вот измерение всегда неточно. В измерении всегда есть погрешность. В том числе, мы не можем утверждать, что сумма углов треугольника точно равна 180 градусам. Поэтому и не можем сказать, евклидово ли наше пространство. Может быть, «немножко» неевклидово, но только здесь – где мы измеряем. А в другой части галактики это «немножко» окажется-

ся существенным. Или для микромира «немножко» создает большие неожиданности для исследователя. Ведь «много» или «мало» — это лишь наша оценка. То, что в одних ситуациях «мало», может быть «много» в других. Малое через время может стать большим или даже бесконечно большим.

Измеримость и счет возможны там, где есть пространство и есть время. То есть, вещные бытие и процесс. В пустом пространстве нет ни того, ни другого. Объект размером во Вселенную для нас непостижим в понятиях пространства и времени. Мы бытийствуем в нем, а не он в нас. Мы для него — пространство и время. Можно представить себе точку в пространстве, посещение которой изменит всю Вселенную — «место Бога» или «место Судьбы». Почему бы и нет?

Фундаментальный вопрос: за всяким ли понятием (например, в математике) стоит нечто исчисляемое? Всё ли можно исчислить? Понятно, что есть всякие явления, которые никак не превратить в какие-то алгоритмы вычисления. Есть невыразимое — то, что индивидуально, что я не могу передать другому. Могу попытаться, но получится скверно. Или единичное. Его считать бессмысленно. И даже невозможно снабдить понятием. Также и сложное: бывает, что символизация в числах и алгоритмах не проще объекта описания. Тогда его проще предъявить, чем описывать. Вселенную не обчислать и не объяснить, ее можно только разглядывать.

Путь науки: от понятий к числам, от чисел — только к целым и далее к простым числам, затем только «0» и «1». И

снова к тому, что неисчислимо. Это определенный цикл, который в завершении может означать переход на новый уровень понимания, а может указывать на деградацию.

При всей значимости числа как отражения глубинной структуры мира-природы, в нем существует то, что не описывается числом. Даже если включить несчетные континуальные объекта, заменив их пиксельными образами. Многое невозможно выразить не только в цифрах, но и в словах. Редкие явления могут быть зафиксированы в виде фактов, но некоторые из них не могут быть объяснены словами – сложные объекты требуют передачи образа, а не словесного очерка. Образный мир, стоящий за словами, куда шире, чем то, что может быть выражено этими словами. Поэтому до всякого познания существует восприятие реальности. До времени оно может быть запечатлено, но не распознано.

Всякому математическому рационализму утирает нос теорема Геделя, объявившая о неполноте любой теории, включающей в себя арифметику натуральных чисел. В ней всегда найдутся утверждения, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Число гипнотизирует кого угодно, только не современного математика, который знает качественный анализ и оперирует с объектами, далекими от чисел. В них царят совершенно не переводимые на язык чисел «геометрии», а топология не знает «расстояний». Но именно отсюда понятийный аппарат перетекает в естественные и даже общественные науки

– в особенности это касается теории катастроф.

Фрактальность знания отражает его более глубокое понимание. Все напоминает все, но отличается собственным гештальтом сообразно масштабам и координатам. Мы как будто идем по фрактальной поверхности, которая в каждом своем фрагменте содержит уменьшенную копию более крупного фрагмента, а тот маленький фрагмент – тоже копия, и так далее. Но пристальнее рассматривая уменьшенный фрагмент, мы видим, что он – нечто совсем иное – иной мир, и повторяет больший масштаб лишь «вчерне».

Древние математики считали, что их наука проникает в сущность вещей. Но эта сущность была абстрактной, к ней испытывали интерес те, кто имел возможность быть философом. Отвлеченность философии и отвлеченность геометрии от обычной жизни предопределяли статус философа наравне со жрецом. Его жизнь и интересы – не от мира сего. Не мера жизни «теперь и здесь», а иная жизнь – «не здесь и не теперь». Лишь немногим более столетия наших времен мы живем в мире, на который обрушилась математика – прежде всего, своим магическим числом, заклтым компьютерными технологиями.

Апейрон Анаксимандра – неустойчивое состояние вещества, к которому по этой причине неприменимо число. Размытость форм облака или неизмеримость прибрежной полосы – вполне внятные образы для современной науки, которая в этом случае находит для числа другое – неарифмети-

ческое, неевклидово применение.

Получив достаточно глубокие для своего времени знания в области математики, Шпенглер в дальнейшем стал энциклопедистом-историком и культурологом, и построенные им философские концепции лишь в незначительной мере учитывали существование математики. Преподавание математики в гимназии, которым философ немало лет зарабатывал себе на жизнь, не способствовало углублению в математические доктрины. По этой причине Шпенглер предпочел считать математические формализмы образцом статики – ставшим, а не становящимся. Между тем, математика, видимо, единственная наука, которая способна символизировать становление – обозначать «то, чего не может быть». В том числе – немыслимые для обыденного сознания геометрии, размерности, несуществующие множества, мнимые величины, неустойчивые решения и так далее.

Шпенглер слишком низко ставил математику, досаждавшую ему обязанностью постоянно отвлекаться от своих размышлений: «Математика, безотносительно к тому, пользуется ли она в качестве *пособий* наглядными образами и представлениями или нет, занята совершенно абстрагированными от жизни, времени и судьбы, чисто *рассудочными* системами, мирами форм чистых чисел, правильность – *не фактичность* – которых носит безвременный характер и подчинена каузальной логике, подобно всему только познанному и непережитому».

Этот тезис нельзя принять, если понимать, что математика сама находится в состоянии постоянного становления, а те пределы, за которые она заходит, отдаляясь от фактичности, позволяют обходиться без понятия числа, создавать миры бесчисленных логик, которые в привычной нам казуальности вообще не могут быть осмыслены. Математика – это средство пережить рассудком то, что никогда не будет пережито нашими чувствами. При этом в каждой математической фантазии скрыт прикладной аспект, исключенный из практики по социальным причинам: за математиком почти никогда не следует рой инженеров и лаборантов естественных дисциплин.

Математика кажется лишенной прямого созерцания лишь в силу близорукости взгляда на тот светомир, который может открыться человеку лишь постепенно – по мере развития науки и приборостроения. Измерить что-либо – значит увидеть и сравнить с эталоном. Математика дает увидеть то, что не видит или даже никогда не увидит глаз.

В математике ученый сам становится создателем «материи» – предмета для исследования – делая ее неизменной, подчиняющейся определенной аксиоматике. В физике тоже материя по большей части не меняет свойств, если дело не идет о сильно неравновесных системах, где происходит быстрый обмен информацией и веществом с окружающей средой. В биологии «активность» материи вообще творит чудеса. Из яичной слизи почему-то появляется цыпленок с моз-

гами, кровеносной системой и т. п. В социальных науках материя принципиально «активна», то есть предмет исследования меняется по мере того, как ты пытаешься устанавливать закономерности. Поэтому, чтобы что-то тут понять, субъект и объект должны в значительной степени срастись. От этого может получиться нечто «ненаучное» – с точки зрения стабильной «материи».

Например, обычное для процесса познания нарушение формальной логики. Сегодня работает одна логическая цепочка, завтра – другая, послезавтра вообще исчезает какая-либо связь... «Там, где что-то „действительно“ для нас существует, мы наблюдаем это и мыслим в причинной форме точно так же, как мы воспринимаем и знаем самих себя и свои действия как причину. Однако это установление причин оказывается от случая к случаю различным не только в религиозной, но и в неорганической логике человека вообще. В данный момент в качестве причины для данного факта мыслится это, а уже через мгновение – что-то другое. Всякая разновидность мышления имеет собственную „систему“ для всякой области своего применения. В повседневной жизни никогда не бывает, чтобы та же самая каузальная последовательность была во всех деталях продумана еще раз. Даже в современной физике друг подле друга используются различные рабочие гипотезы, т. е. каузальные системы, отчасти друг друга исключаящие, как электродинамические и термодинамические представления». «То воззре-

ние, что весь мир как природа упорядочен для бодрствования одной-единственной каузальной цепью, совершенно не может быть воплощено в жизнь нашим мышлением, постоянно мыслящим лишь единичные взаимосвязи».

Кризисный мир не ощущает множественности логических цепочек. Он не способен пользоваться даже самыми простыми логическими операциями. Особенно ужасно это отражается в праве, которое бессистемно, в правоприменительной практике абсурдно, и этот абсурд принят как норма. Еще ужаснее – отсутствие логики в спорах, которые ведутся на бытовом уровне. Увядающий интеллект цивилизации не способен воспитать врожденное чувство истины, которое сопрягается с индуктивными (больше для быта и криминалистики) и дедуктивными (больше для науки) методами ее доказательства. Естественная аргументация рассеялась в склоках, заменивших дискуссии. Массовая коммуникация обесценила глубину интеллекта, которая невозможна без элементарной логики. Аргументы заменились фантазиями, никак не связанными в систему и не имеющими отношения к жизни.

Коллапс цивилизации выражается в отсутствии логики и чувства числа.

Разметка времени

Ощущение времени обозначается обычно примитивным делением: прошлое, настоящее, будущее. Но в такой разметке нет ничего, что можно было бы взять для практического применения. Будущее еще не знает меня и моего секундомера, настоящее – это не длительность, а прошедшее расчерчено по разным основаниям и разными средствами, что дает произвол в измерениях и даже игнорирование временной шкалы – как это часто бывает, когда пренебрегают последовательностью причины и следствия, учетом обстоятельств места и времени. Если в обыденной действительности такие ошибки просто оставляют человека одураченным, то на уровне государственных институтов они оставляет в дураках целую нацию. Как только в чьих-то интересах дозволяется ставить следствие впереди причины, рушится, прежде всего, система права. Затем начинает давать сбои формальная логика, воспитанная веками цивилизации. Многие уже не могут справиться с простыми логическими операциями, а мошенники легко выдают ложь за истину.

На практике время типологически распределяется по отношению к наблюдателю: имеет ли или имело ли наполнение соответствующего периода какое-то касательство до него. Давнее – то, что основательно забыто, то есть, что не было необходимости вспоминать. Недавнее – то, что необхо-

димом помнить или что нельзя считать забытым в силу того, что другие об этом хорошо помнят. Текущее – то, что помнить совершенно необходимо, чтобы не быть исключенным из социума и не попасть в лечебницу для душевнобольных. Наступающее – близкое будущее, тот минимальный прогноз предстоящего, который также позволяет существовать в социуме. Предстоящее – то, что можно предсказывать как неперенный элемент будущего, не особенно обращая внимания на точность наступления момента события. Чувство времени привязывается к периодам, относительно близким к текущему моменту, когда значимость событий такова, что они еще не утратили видимой связи с настоящим или обозначили такую связь и обещают обратить на себя внимание. Причинно-следственная связь хотя бы признается: в текущем моменте фиксируются причины, находящиеся в прошлом, и следствия, ожидаемые в будущем. Периоды, которым приписывается причина или на которые распространяется ее влияние, могут произвольно расширяться: от вчерашнего дня до нескольких тысяч лет (если это касается истории) или миллиардов лет (если это касается природы). Тем не менее, они остаются «недавним» прошлым, поскольку сопоставляются не с жизнью человека, а с условным эталоном, который откладывается во времени небольшое число раз. Неслучайно историки и палеонтологи описывают события отдаленных времен так, будто они их сами видели.

Такое чувство времени означает пребывание в живой истории. Когда научные сведения составляют символический капитал истории нации наравне с рассказами очевидцев, которые не могут быть старше поколения дедов. Если нация не способна переживать свою историю, если не ценит живые свидетельства, то дни ее сочтены: она утратила чувство времени. Ни пропаганда, ни музейные экспозиции ее уже не спасут. Нарастающая деменция непременно доведет до полной недееспособности.

Утрата чувства времени сопровождается псевдоисторизмом, позволяющим изобретать самые причудливые исторические концепции и тем самым гальванизировать интерес уже не к подлинной, а к полностью вымышленной истории. Псевдоисторизм подхватывает из естественных наук «принцип бабочки» – малым влияниям приписывают большие последствия. В таком случае причиной каждого события можно считать любое другое предшествующее событие, выбранное по произволу. В таком случае произошедшее тысячу лет назад и произошедшее вчера могут объявляться равнозначными для настоящего. И тогда можно объяснить все, что угодно и без усилий выдать ложь за истину.

Шпенглер приписывал древним грекам и индусам, их государствам, а также их философским системам, служение моменту. Возможно, это связано с иллюзией богоприсутствия в настоящем, которое можно вывести из литературного наследия далеких эпох. Но если принимать литературу

за «чистую монету», то получится, что в ней отражена вообще вся жизнь людей. При этом забывается летопись, содержащая истинный историзм, и наука, которая всегда исходит из существования «стрелы времени» и последовательности «раньше-позже», которая интеллектуальным напряжением превращается в причинно-следственную закономерность («раньше» – не единственный признак причины). Служение моменту свойственно либо самым ранним стадиям истории цивилизации, либо самым поздним. В первом случае вспоминать еще нечего, во втором случае способность вспоминать подорвана.

Настоящий историзм – это принципиально глубокое видение событийного ряда и чувство времени, которое укладывает события в причинно-следственную последовательность и распределяет их на временной шкале так, чтобы причина никогда не опережала следствие. Профан, напротив, привыкает к оценкам времени, будто бы верным во все времена (жизнь моментом, со дня на день): «Обыватель всех культур в физиогномии всякого становления, своего собственно-го и окружающего его исторического мира, подмечает лишь непосредственно осязательный предметный план. (То есть, ближний план времени, до которого „рукой подать“ – А. С.) Сумма его переживаний как внутренних, так и внешних, вереницей голых фактов полнит течение его дней. Только значительный человек чувствует за популярным контекстом исторически подвижной поверхности глубокую логику станов-

ления, выступающую в идее судьбы и подчеркивающую случайность поверхностных малозначимых изделий дня».

Обыватель может сколько угодно говорить о судьбе, но перед его глазами судьбы нет. А у охлоса нет истории. У охлоса нет Отца и нет Отечества. Нет Царя Небесного, нет царя. А без царя нет дружины (аристократии) и нет народа. Все заполняется сиюминутностью, а охлократия обслуживает этот дегенеративный тип человеческого сообщества, занимаясь собиранием земных богатств, которые становятся тленом, когда цивилизация уходит в небытие.

Ложный историзм охлократов состоит в том, чтобы подобрать любую причину, оправдывающую узость их взгляда. Историзм аристократии – в выстраивании концептуальной линии национальной летописи, которая укладывает фактическую правду в причинно-следственный закон, расширяющий картину зримого мира, включая в него весь исторический материал.

Подлинный европеец знает и чувствует сопричастность (в историческом смысле – одновременность) к гомеровской эпохе, античности, Рима, Средневековья – даже в большей мере, чем к безумиям XX века. Микенская государственность, античная государственность, в значительной мере и средневековая государственность распались, но транзит культуры сохранился и достался нам как бесценное сокровище, которое теперь пылится без надобности, потому что пришли последние десятилетия цивилизации – она утратила

чувство времени, переживая только настоящее.

Иссякающее на наших глазах достоинство русского человека – стоять на защите своих древних святынь и исторических триумфов. Невежество уничтожает историю и подкрепляет бессовестную и антинациональную олигархию, которая вместе с охлосом не видит необходимости в сохранении памяти о великих государях, героях и подвижниках былых времен. Олигархическая пропаганда знает лишь несколько событий XX века. Охлос же требует только «хлеба и зрелищ», с удовлетворением встречая войну против книг и знания, которое считается скучным и утомительным как раз для тех, кто к нему более всего открыт – для детей.

Между обладателем исторического чувствования времени и обывателем лежит пропасть. И в нашей действительности русский и россиянин – это совершенно несовместимые и политически несоединимые типы. Русские имеют историческую перспективу, потому что имеют историю и чувство времени. Они могут предсказать следствия, из которых строится картина будущего – возможного и желаемого. Россияне обречены на смерть от деменции. И чем быстрее «россиянство» сойдет с исторической сцены, тем больше вероятности, что русские крупницы будут собраны воедино и из них образуется новая русская нация.

Прошлое размечено историческими событиями, а не датами. Пустое время без каких-либо процессов – бессодержательная абстракция. Только события придают времени

смысл. Причины, распределенные в прошлом, дают нам основание разметить будущее – планируемыми или неизбежными событиями. И тогда у нас есть план, представляющий волевою задачу стать субъектом исторического становления, а не прахом истории – безличной почвой, на которой вырастут другие цивилизации.

Пространство, время и субъект

Шпенглер противопоставляет время и пространство. Время создает пространство, а пространство убивает время. Эта формула проста своей гениальностью, но как будто пропускает часть реальности. Да, пространство выглядит как ставшее – время из него, будто бы, изгнано. Оно размечено «мертвой» материей. Но разве не размечается пространство не столько объектами, сколько процессами? Магнитное поле – это мертвая материя или становящаяся? Звезда в небе – это объект «мертвый» или кипящий внутренними процессами? Сама Вселенная уже мертва или все же нет?

Нельзя считать, что Творение где-либо закончено. «Мертвая» материя, вроде лежащего у дороги камня, – это обломки становления, выброшенные из процесса и остывшие. Как остывает выброшенная из вулкана лава. Даже завершение жизни не исчерпывает процессов, о которых мы можем ничего толком не знать, но ощущать их в своей душе, когда переживаем смерть близких или вспоминаем о них. Идея бессмертия души – это не утешающая сказочка. В ней – картина Вселенной, где время не исчезает, не мертво, не замирает в успокоившихся пространственных измерениях.

Шестимерный мир таинственного авиастроителя Роберта Бартини на фоне идеи многомерных картин мира не столь остроумен. Куда интереснее его «периодическая система»

размерностей, где физические величины представлены комбинациями произведений временных и пространственных координат, возведенных в различные степени – положительные и отрицательные (правда, всегда целочисленные). Эта система показывает, что основы нашего воззрения на природу не заменяют время пространством, а дополняют – в весьма причудливых комбинациях. Пространство своим существованием вовсе не означает, что оно вне времени. Познанное не есть отмершее время. Напротив, познанное – это понимание скорее процессов, чем состояний. Познанное расширяет горизонт познания (обозревает все больше непознанного) и продолжает процесс познания, оставаясь не на обочине, а внутри процесса.

Если протяженность непременно сопровождается переживанием глубины, то всегда находящееся в становлении чувство сопровождает пространство, ибо в противном случае оно было бы лишено субъекта, и из картины мира пришлось бы выкинуть ее фундаментальный признак – способность к самопознанию. Пока кто-то не взглянул на пространственные метки, не коснулся их, не ощутил органами обоняния его запахи, не услышал его вибрации и ритмы, материя, действительно «мертва» – бессубъектна. Она есть процесс только потому, что предполагает: субъект рано или поздно появится. Именно по этой причине библейское творение мира связано с творением человека – формированием из «праха земного», который оформился в человекообразное суще-

ство, и, получив богодухновенный импульс, стал настоящим – думающим и переживающим. Пока в мире не появился такой субъект, он еще не создан.

Человек несовершенен как чувствующий субъект: он при полной адаптации глаза может увидеть один фотон, но его обоняние гораздо слабее, чем обоняние собаки, которая все равно крайне далека до ощущения одной молекулы. Осязание позволяет человеку почувствовать на гладкой поверхности ступеньку величиной в микрон, но до атомарных размеров его чувствительность далеко не дотягивается. Только способность к опосредованному восприятию, увеличивающему остроту чувств, данных Творцом, позволяет человеку проникнуть в даль космоса и глубину микромира. И это указывает на определенную задачу, которую человек выполняет во Вселенной. Субъектность предусмотрена как обязательное звено уже на стадии проектирования Мира.

Если пространство размечает материя, то время требует взять за эталон ритм какого-то процесса. Без выбора эталона времени не существует: неранжированные события равнозначны, даже если уникальны. Роль человека во Вселенной – открытие времени: отбор фундаментальных ритмов, классов событий, взвешивание ценности этих событий для глобальных тенденций вселенского процесса. Нет человека – нет времени. Как нет и классифицирующих понятий и терминов, чтобы Вселенная была описана. Пространство Вселенной заполняется под взглядом человека не объектами и

процессами, а связанными с ними понятиями, проводящими сходство и различие между тем, что до человека не имело никакой классификации. Поэтому классификация – основа науки, а ее прогресс зависит от развития терминологии и связанного с нею понимания.

Причинность и бессмертие

Тезис Шпенглера о мертвенности причинности поначалу кажется несправедливым: «Казуальность есть – если можно так выразиться – ставшая, дезорганизованная, оцепеневшая в формах рассудка судьба». Но если любой предмет или факт имеет набор своих причин, и эти причины предопределяют следствия, то вся реальность, развернутая во времени, представляет собой однозначную и неподвижную, предопределенную «судьбу» (лапласовский детерминизм). Между тем, наша интуиция подсказывает, что следствия имеют вероятностный характер, и причины зачастую меняются ничтожным усилием воли, порождая совсем иные следствия, чем ожидаемые с полной уверенностью.

Древние греки были уверены, что судьбу изменить нельзя, но основа этого убеждения оставалась для них в прошлом. Будущее для них было детерминировано, но все же у Ахилла есть выбор: физическое бессмертие в полном забвении или гибель и бессмертная слава. Его выбор предопределен Роком, но ему он явлен как проблема. Олимпийские боги светлы, потому что умолимы – по молитвам можно отвести несчастную судьбу. Но также можно и наслать несчастье с помощью заклинания. Пифия может предсказать будущее, от которого можно уклониться, если верно понять предсказание. И лишь в философской мудрости оказывается, что

Рок не преодолим даже богами. Он прокладывает себе дорогу, переступая через хитроумие богов и людей. Отсюда злосчастность греческой трагедии: коль муки неотвратимы, лучше бы и не родиться.

Мысль возвращается к идее преодоления причинности из страха смерти – застывшая пространственная казуальность требует поисков именно во времени актуального бессмертия. Этот поиск имеет социальные корни, совершенно не связанные с наукой, а потому и находившийся до сих пор только в сфере религии. Но теперь «таблетка бессмертия» кажется уже достижимой мечтой, в особенности для свихнувшихся правителей, которые намерены не только жить вечно, но и править вечно. Тем не менее, именно социальный барьер не позволяет реализоваться многим технологиям, как и прикоснуться к загадке времени.

Шпенглеровское «бодрствование» – это формирование иного мира, в котором бессмертие существует. Это иной мир, а не таблетка, которую надеются создать в этом мире. Пытаются добраться до бессмертия через знание – в том виде, в котором это знание выглядит привычно. Но в этом мире даже привычное знание фальсифицировано, а это значит, что этот мир может породить только иллюзию бессмертия: человек бессмертен до тех пор, пока не умрет. Он просто не помнит о смерти, пока не взглянет ей в глаза. Это беспометство и предполагает конечность человека, невозможность для него технологии бессмертия. Не веря в бессмертие

души, он не обретает и бессмертие тела.

Бессмертно то, что существует как бессмертное, а не становится бессмертным от страха смерти. Существование современного человека гораздо дальше от бессмертия, чем жизнь человека прежних эпох, в которых ходили легенды об островах бессмертных, а целью жизни героя была бессмертная слава, а не вневременное прозябание в неизвестности.

Чувствование и переживание кажется чем-то вненаучным. Рассудок, будто бы, должен быть холодным. Но в таком случае он порождает только холодные «истины», из него выпадает творческий элемент и изгоняется время. Но в макромире и в микромире теория предполагает, что присутствие наблюдателя меняет всю картину. В макромире нам важна позиция, но пока еще не состояние наблюдателя. В микромире – вмешательство в картину мира наблюдателя уже самим его присутствием, но пока не состоянием.

Если человек появляется как следствие холодной казуальности, то он не творит, а его познание природы – это лишь predetermined и имеющее свои границы свойство этой природы, часть системы с обратной связью, которая сама причиной не является – только косвенным следствием более общих закономерностей. Тогда человек – не творец, и тогда он не создан по образу и подобию Творца. Если же он – порождение творческого начала, то он не только исследует природу, но и создает «вторую природу» с закономерностями, которых в природе изначально не предполагалось – по край-

ней мере, случайное превращает в закономерное. Творец не предполагал, что без участия человека где-то во Вселенной атомы и молекулы сложатся в реактивный самолет или компьютер. Человек породил свой мир, и этот мир предопределен не только природными свойствами человека, но и тем самым миром, который он создает – социальными условиями. Изучая сам себя, он может создать иные условия для творчества, в сравнении с теми, которые поставили сегодня ему барьер и ведут к исчезновению Европейской цивилизации.

Историю, действительно, изменить нельзя. Но современность нам показала, что историю можно фальсифицировать таким образом, что фальшивка оказывается вне конкуренции: подлинная история скрыта. Относительность истинного знания использована сегодня в социальных технологиях для подобного рода подмены, за которую в древности убивали – просто потому, что фальсификация означала присвоение власти и имущества. Теперь цель фальсификации точно такая же, но истреблены носители памяти, которые готовы были умирать и убивать за подтверждение своих прав, считавшихся частью их существа. Кто не сражался, тот терял эту часть натуры.

Сегодня мощные информационные монополии, создающие альтернативную историю, образовали у современного человека убежденность в двойственности любой истины. Теперь единственной истины нет, истинно все, в пользу чего можно привести хотя бы какие-то доводы, а тот, кто воспри-

нимает эти доводы, может свободно выбирать из любого набора причин и следствий и даже придумывать свои, формируя личную реальность – хотя бы для того, чтобы утвердиться в самоуважении.

Природа как мир Божий имеет одну истину, и поэтому до определенного времени естественные науки надежно опровергали ложные теории и фиктивные открытия. Сегодня этот барьер на пути растекания лжи сломлен – в науку хлынули социальные технологии, которые преодолевают любую причинность ради того, чтобы создать иллюзорные надежды на фантастическое будущее, которое вот-вот наступит просто потому, что правительство организует творчество ученых и учит детей. Здание науки оформляется пышным фасадом для ублажения взора профанов, которые из легковерных дураков превращаются в агрессивную «пехоту» олигархий.

Фасад важнее самого здания. И за него олигархия готова уничтожать тех, кто пытается противостоять лжи.

Если человек – часть изначально заложенного в природу творческого начала, то без него Вселенная невозможна. Она не существует в полноте, пока сама себя не увидит глазами человека. И не начнет себя дополнять его воображением и усилиями. Пока человек богоподобен (и мнит себя сыном Божиим) он – неотъемлемая часть Вселенной. Отрекаясь от истории и своей роли в становлении будущего, человек – только часть природы, просто белковый организм, животное.

Переживание смерти

Два самых могучих символизма – рождения и смерти. И сопровождающего их становления и омертвления (или развития и упадка). Без мыслей о смерти нет философии (Сократ) – то есть, той интуитивной науки, в которой мудрость выше осведомленности. Интуиция знатока всегда выше формально закрепленных в памяти знаний. И знание о смерти – тот высший философский подвиг, когда многомудрая печаль всегда помнит о конечности самой себя и всего, что она понимает.

Человек может легкомысленно пренебрегать смертью, но никогда не пренебрегает возможностью бессмертия, которое он наблюдает в природе, пусть и не в отдельном существе, каковым является и он сам. Поэтому место смерти – в литературе и философии, напоминающих о конечности и трагичности жизни, а место бессмертия – в мифологии.

Миф соответствует представлению человека о *нестественности его смерти*, то есть – о естественности бессмертия. Физическая смерть в мифологии всегда связана с виной или несчастным случаем, которых можно было избежать, если бы не опрометчивые поступки, которые заводят человека в сети Рока. В Древней Греции мифология смерти тесно связана с мифологией жизни. Жизнеутверждающий Дионис, призывающий к упоению вином и весельем, является также

богом мертвых. Экстатическая восторженность есть растворение человека в окружающей жизни, что равносильно смерти. И, наоборот, от смерти ожидается новое рождение. Гибель Диониса от рук титанов и последующее возрождение демонстрируют это взаимопроникновение смерти и жизни. Мифология напоминает нам, что существует тайная тропинка, скрытая от Рока, которая ведет к бессмертию. Это знание присутствует во всех культурах, отражаясь в сказках и суевериях. Оно заключено в существе человека как присущая ему вселенская интуиция.

Почему социальная нестабильность порой встречается с восторгом, хотя и сулит бедствия? В природе человека – не только сопротивление хаосу, но и стремление продлить становление. Исторический процесс может завязнуть в бесполезном повторении привычных социальных форм. Ощущение, что они более опасны, чем возвращение к превратностям становления, всегда присутствует и всегда нарастает в условиях стабильности. Исторический процесс запускается вновь, обнаруживая будущее не в устоявшемся порядке, а в островках «хаоса». «Старый хаос» становится конструктивным материалом для нового порядка мыслей и жизни.

Мудрость не столько познает мир, сколько переживает его – все динамичные процессы становления и уже ставшие, замершие в равновесии. Хладнокровная, «естественная» наука не предполагает души и не предусматривает понятие Бога (Лаплас). Одухотворенная наука не может не переживать

своих социальных последствий, а тем более – упадка цивилизации, на фоне которого и делается большинство естественных научных открытий и вызревание истин гуманитарных дисциплин. Фактически к чувствующей науке всегда подмешивается философия – мысли о бренности всего сущего. Душа напоминает о бренности тела, мудрость – о неизбежной гибели всего человеческого. Символизм умиротворяет эти печали и, как пишет Шпенглер, наводит мосты между «здесь» и «там». То есть, между посюсторонним и потусторонним.

В запредельном нечего делать без символа. Оно непознаваемо без души, оно недоступно для того, что все готовы признать наукой. Может быть, только математика касается вечного и роднится с философией, будучи доступной в своих первых, «предрассветных» созерцаниях даже очень неглубоким натурам. И возвышаясь до неведомых почти всем высот, отдаляясь при этом от философов, которые лишь в идее Бога приближаются к математикам. Именно в мире математики сущее представлено только символами. А в философии символизация требует напряжения, потому что душевные трепеты «слишком человеческие» – они не хотят формализоваться. Мышление не хочет быть теорией, потому что завершенная теория означает смерть мышления. Ведь символы суть ставшее, даже когда обозначают становление. Они оживают, только если символизм сопровождается поэтикой.

Предчувствие границы существования – это не фоновое переживание. Как и животное, человек живет без ооще-

ния своей смертности. Он живет вечно, пока не умрет. Страх смерти – это всего лишь воспоминание о последствиях ухода из жизни близких людей. Вид бездыханного тела дорогого человека (или просто человека) или разлука с ним – в этом заложен страх. Если бы мы не видели смерти, мы бы пугались только расставания с близкими. Ощущение вечности смерти в сознание человека не уместается. И он обращается к идее бессмертия души и обретения телесности под новым небом и на новой Земле. Застывание прошедшего в вечной и неизменной форме также не вмещается в сущность человека, и поэтому его воспоминания изменчивы и следуют его текущим душевным состояниям. Так же и история воспринимается в контексте политики.

Длительность, время, задача, цель, ценность, смысл – категории, осмысляемые ничтожной частью человечества, которому как правило неизвестны даже параметры своей собственной жизни. Человек воплощает в своих мыслях время лишь в какие-то мгновения, и почти никто этих мгновений не замечает. В этом смысле человек от животных отличим лишь своей рассудочностью – богатством символизма, очерчивающего некогда зафиксированные обстоятельства. От ставшего символизма человек может избавиться, только превратившись в личность, на порядок более осмысленную в своей индивидуации. Бытовая рассудочность позволяет ему выживать и не замечать границ своей жизни, вспоминая о них только в тяжких болезнях или накануне смерти.

«У животного есть только будущее, человек знает и прошлое». Вопрос лишь в глубине и адекватности этого знания. То, что кажется знанием, на поверку может быть измышлением невежды, оскорбляющего своих предков. Утилитарная забота о еще не минувшей жизни вовсе не означает заботы о прошлом. Смерть как тайна мира закрывается от познания каким-нибудь примитивным домыслом – вот и все. Отличие от животного только в том, что инстинкту такой домысел не требуется. Животное обходится без переживания того, что не касается его непосредственной чувствительности. И человек очень часто находится в этом животном состоянии. При этом ни тот, ни другой не обладают прошлым, если оно не связано с выработанным рефлексом.

Высшее мышление есть мышление о смерти (Шпенглер). «Каждая религия, каждое природопознание, каждая философия проистекает из этого пункта. Каждая большая символика приноравливает свой язык форм к культу мертвых, форме погребения, украшению гробниц». «Страх смерти – источник не только всякой религии, но и всей философии и естествознания».

Символика закрывает проблему смерти, снимает ощущение страха от видимой и возможной смерти. Обереги призваны отпугнуть смерть, которая тоже обозначается символом или образом. В символизме смерти остывает страх перед ней, который замещается героическим неприятием или подвижническим приятием смерти – борьбой становящейся-

ся личности и умиротворением личности, достигшей своего высшего воплощения.

Жизнь может произойти только от другой жизни, которая приносится в жертву. Смерть связана с чудом – чудом и загадкой иной жизни, чудом и загадкой воскресения. Смерть становится открытием бессмертия.

Природа и судьба

Шпенглер критичен к телеологии – попыткам заменить или дополнить причинность целевыми ориентирами на будущее, которые можно обнаружить в прошлом. Он прав в том, что цели причинности не определяют. Они предположительны или желательны, но совершенно никак не связаны с казуальностью. Только постфактум можно прикинуться, что цели соответствуют причинно-следственным связям закончившегося процесса – просто приписать процессу такие цели. Подобными антинаучными упражнениями пробавляются профанные прогнозисты, астрологи, пропагандисты механистических социальных учений (марксисты, прежде всего). Они хотят выглядеть оседлавшими время и навязать свои фантазии другим, будто бы зная «чем все закончится». Вряд ли они осознают, что мешают пространство и время в своих прогностических выдумках.

«Телеология – это карикатура идеи судьбы». Там, где время – творческое начало, там судьба – скрытый закон «крупнозернистой» истории, а пространство – число, выраженное в вещных диспозициях «мелкозернистой» действительности. Судьба – это сплетение личной идеи с замыслом Творца, а попытка подверстать все под конечную цель – это иллюзорный принцип, будто бы познанного замысла, который замыкается в сетке известных причин с исключением непод-

ходящих под цель иных причин, а также самого предположения, что они могут быть непознанными и непознаваемыми. Чувствование и переживание идеи – это комплексное восприятие замыслов, а не конечных итогов каких-либо процессов. Без переживания судьбы она остается набором случайностей, а не путеводной звездой для живого, творческого человека. Без всякого наукоподобного расчета верующий и любящий испокон веков прозревает судьбу, а не конечные цели своей конечной жизни.

Только сущий дурак будет требовать от поэта или художника подчиняться его измышлениям и менять судьбу на цель. Собственно, такое одурение – свойство нашей современности, в которой творческое начало мельчает и исчезает под давлением «корифеев всех наук», которых полно не только среди правящих невежд, но и среди ничем не управляющих рабов.

История свершается гораздо быстрее, чем происходят природные изменения. Что не исключает стремительных катастроф. И в условиях катастроф человек зрит бытие богов, облакая явления природы в их образы и приписывая им текущие события: природный процесс догоняет историю и становится ее частью, и тогда боги спускаются с олимпийских высот и вплетаются в исторические сюжеты. Но даже у Гомера божественное вмешательство едва намечается, а боги бессильны перед судьбой, в которой заложен первофеномен, непреодолимый, как и логика, даже Творцом, который оста-

ется наблюдателем того мира, который Он создал и хочет рассмотреть, а не беспрерывно сотворять новые миры взамен созданного и развивающегося под Его присмотром.

Бог не занимается пустяками, но в то же время, ни один волос с головы не упадет без Его воли. Вот только воля уже была воплощена в момент времени «ноль» – по законам, созданным в этот момент, волос упадет или останется на месте. Богу нет надобности нарушать свои законы, но он может преодолевать законы человеческие и продлевать судьбу человека за пределами «мира сего». И в этом открытии – величайшая сила христианства, постигшего замысел Творца, так трудно воспринимаемый «казуалистами» современности, которым чудится постижимость и даже постигнутость всюду, куда направятся их близорукий взор.

Судьба приобретает завершенный вид за пределами этого мира – в Царствии «не от мира сего», вера в которое охватывает целые эпохи, но среди дурачья наших катастрофичных дней вызывает ухмылки всё постигших невежд.

Вихри становления

Порядок рождается из хаоса, который умиряется в процессе становления повторяющихся закономерностей. Из хаоса теоретически можно вывести все, что угодно. Но в реальности из него кристаллизуется только то, что может хотя бы в некоторой степени обрести форму и сохранить закономерность. Поэтому хаос не совсем хаотичен. В нем заложен скрытый закон, не позволяющий твориться произволу. Произвол есть только в хаосе человеческих мыслей. Вселенная предлагает не произвол, а вероятности.

Неопределенность хаоса процессом становления вытеснена в микромир, в сильно неравновесные системы, где фазовые диаграммы могут повторять квантовый принцип неопределенности: невозможно определить с достаточной точностью либо координату системы, либо скорость ее изменения. Странные аттракторы как модель хаоса показывают, что в них могут соседствовать траектории, удаленные по времени на неопределенно длительное (актуально бесконечное) время. Минимальные отклонения от координаты – и вы прыгаете на миллиарды лет. Если в нашем мире достаточно хаоса, то в некоторых точках с сильной неравновесностью мы сможем «просверлить» отверстие в далекое будущее, где можем надеяться найти неисчерпаемый источник энергии.

Шпенглер в термине «вихрь становления» интуитивно

осмыслил стадию неравновесности и неопределенности в генезисе любого явления. Все рождается из неопределенности, где нет места расчетам, ибо возможное и невозможное еще не разделены, и возможное не заявило о себе в виде сотворенного. Выход из хаоса сопровождается либо творением, либо исчезновением. То и другое актуально беспричинно. Хотя, приближаясь к началам творения можно изыскивать все более тонкие закономерности стохастического характера.

Обыватель воспринимает беспричинность либо как судьбу, либо как чудо, либо как случайность. И все это, как будто, одно и то же. Но есть принципиальные различия, которые скрадываются по видимости незавершенным процессом становления. В каком-то смысле познание – это и есть движение к первопричине. Как только лежащие на поверхности законы познаны, мышление начинает стремиться к тому, что находится вне этих законов, и открывает новые законы.

Судьба таит в себе скрытую причинность и кажется неотвратимой, поскольку предполагает божественную природу и связь с изначальным – первопричиной всего. В действительности ничто в этом мире нельзя считать исчерпавшим процесс становления. Неизменное просто не может быть осознано: в нем нет никакого процесса. Это умершее явление. Поэтому чудо является оборотной стороной судьбы. Оно разрывает кажущуюся незыблемой причинность. И как раз оно-то и связана с изначальным хаосом, в котором божествен-

ная воля еще не сложилась и закон не оформился. Разрыв причинности – неизбежное следствие существования. Чудо свершается вопреки «железному закону». И, наконец, случайность – это сфера, которая не имеет связи с изначальным. Она не очерчена божественной волей, но не содержит и становления. Это непредусмотренное законом и непредвиденное в изначальном становлении. Может быть, это зародыш нового становления, прорыв иной Вселенной в нашу Вселенную.

Шпенглер, как и многие другие философы, цитирует высказывание Августина Блаженного, чтобы объяснить свое понимание судьбы: «*Quid est ergo tempus? Si nemo ex me quaerat, scio; si quaerenti explicare velim, nescio; fidenter tamen dico, scire me*» («Итак, что же такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я знаю; когда меня спросит кто-нибудь, и я хочу дать объяснение спросившему – не знаю. И все же с достоверностью утверждаю: знаю».) Кто находится в вихре становления, тот «знает». Но он не может объяснить тому, кто наблюдает со стороны. И наоборот: то, что видит в вихре становления сторонний наблюдатель, погруженный в вихрь, не сможет признать своей реальностью – у него другая реальность. И все это похоже на особенности двух сосуществующих реальностей для наблюдателя объекта, движущегося со субсветовой скоростью, и того, кто движется вместе с объектом (преобразования Лоренца в специальной теории относительности). Мы можем предположить, что свет всегда

сопутствует становлению. Где все процессы завершены, там царит только мрак. Там где свет нестерпим для живого, в становлении преобладает хаос. Где хаос остыл, там из него выделились сложные процессы. Жизнь – это состояние между хаосом и мраком. От хаоса жизнь берет энергию изменения, а от мрака – структуру.

Провидец отличается от ученого прямым усмотрением истины, поскольку его взгляд ищет первофеномены, а не закономерности вечно мира, вращающегося у него перед глазами. Есть судьба и случай текущего момента, поверхностная событийность, а есть знание сверхъестественного – прозрение более близких к первозданному хаосу природных состояний и исторической правды размахом в столетия.

В вихре становления: я знаю, но не объясняю. По сути дела, это чувственное знание – усмотрение истины без формальных предпосылок. Подобные состояния бывают у великих ученых: сел – задумался – открыл. Этот карикатурный пассаж из советского кинематографа – ирония невежды. Но у того, что находится в вихре становления так и бывает: формула не выводится, а записывается. И она верна не потому, что доказана, а потому, что ее применение приводит к верным результатам. Таково, например, уравнение Шредингера. Так Менделеев открыл Периодическую систему элементов.

Субъектность предполагает свободу воли. И Шпенглер не прав, когда полагает, что древние греки видели только судьбу, но не замечали случай, который эту судьбу преодолевает.

Скорее, это литературный прием – незыблемый рок и необоримая воля богов. Литература как раз закрывала брешь: слишком много в жизни древнего грека было случайным, подверженным превратностям судьбы. Он наталкивался не на предопределенность, а на случайность: потопаы и землетрясения, эпидемии и войны. Несчастный или счастливый случай был доминантой жизни. Именно поэтому религия и литература напоминала о судьбе как о фундаментальной основе жизни. Если повседневность говорила греку, что все зависит от него лично, то жрецы и правители принуждали его уповать не на свои способности, а на данное от рождения предопределение. Помнить о нем полагалось обязательным: литератор, ученый, жрец, царь возвышались над хаосом (вихрем) повседневности и от имени богов диктовали свою волю, которая и становилась реальной судьбой народов и государств.

Восточный человек древности, напротив, был уверен, что все предопределено, и он ни в коем случае не может вырваться из рамок, поставленных судьбой. Именно по этой причине Христос стал для «евреев» (разнородных племен, скопившихся в Иерусалиме) образцом проявления «свободы воли»: человек может выбрать, прежде всего, жить или умирать. Если умирать, то за что умирать. Если жить, то ради чего жить. Восток оседлал вихрь становления и тем приблизился к древним грекам, которые сами сделали шаг навстречу судьбе. Родилась вселенская религия, где жертва –

добровольное деяние, преодолевающая судьбу. Божья воля отдает случай в распоряжение человека, и он, получив «свободу воли», превращается в субъект становления, сотворца – его воля синхронизируется с волей Бога. Если же она асинхронна, то попущение Божие превращается в научение, а для жестоковых – в злосчастную судьбу.

Такт и ритм

Одно из ключевых понятий философии Шпенглера – «такт». Такт связывается с космическим, вневременным. Космос пульсирует периодическими процессами, которые задают режим существования всего, на что мог бы обратить взгляд человек. Но как только он обращает внимание на себя, он обнаруживает не столько такт (например, своего бьющегося сердца), сколько напряжение (своих мышц, своего ума).

Такт – это текущий процесс, его антипод – напряжение, в котором процесса еще нет, но есть готовность к нему. Сжатая пружина скопила потенциальную энергию, ее напряжение не реализовано. Но именно это и является ее главной сущностью. Боксер еще не нанес удар, но напряжение уже волной прокатывается по его телу, и он опасен этим потенциальным ударом.

Микрокосм, по Шпенглеру, определяется именно этим напряжением, в котором угадывается противопоставление. Напряжение не может быть безадресным. Существо ищет направления разрядки своего напряжения или даже заранее его предусматривает. Для космического такта не нужен повод, он сокрыт в самой природе вещей. Микрокосм преодолевает этот такт в напряжении, делает его своим союзником: напрягается при вдохе, разряжается при выдохе. В так-

те образуется еще и ритм, а за ним и мелодия. «Музыка» небесных сфер лишь отбивает реперные моменты времени; микрокосм человека «слышит» между реперами глубинную духовную сущность Вселенной. Через удары сердца космос напоминает о себе, о своем вечном и неизбывном присутствии. Человек заглушает удары сердца трепетом своей души, напряжением своей воли, мощными аккордами духовного творчества. И способен освободиться от космического, утверждая свою свободу. Ценой свободы является конечность существования.

Шпенглер пишет, что спящий человек подобен растению: он отдается космическому существованию. Но это не так. Во сне человек встречается со своей сущностью, которая в бодрствовании сокрыта личным напряжением. Но, помимо личного, есть еще и коллективное. Во сне оно приходит как бессознательное – со всеми своими напряжениями, которые рвут сердечный такт, преобразуют мозговые ритмы, стесняют дыхание. Тот же позыв есть в единодушном вздохе публики, в движении пришедшей в ярость толпы, в поступе слаженного воинского подразделения.

Частотный ритм частного существа может быть настроен на такт космоса, и тогда сущности сольются в единство, станут «оркестром», созвучным мирозданию.

Космос дает разрядку, раскрывая и одновременно завершая внутренний цикл микрокосма. Он придает напряжению цель и направленность, настраивает внутренний мир на

внешнее «мы» и «вечность». «Микрокосмические границы оказываются снесенными. Здесь ревет и грозит, здесь рвется и ломится, здесь летит, поворачивает и раскачивается *оно*. Тела сливаются, все идет в ногу, *один* крик рвется из всех глоток, *одна* судьба ожидает всех. Из сложения маленьких единичных мирков внезапно рождается целое».

Стихия массы – это то же, о чем писал Салтыков-Щедрин в своей «Истории одного города», завершенной вихрем мистического *Оно*. Прорвавшийся в частную жизнь космос стирает все фантазии зарвавшихся жизнеустроителей, а с ними сметает и целые народы и цивилизации. Сильные чувства становятся социальной истиной, отбрасывая смутность частных ощущений, ставших переживанием несвободы в свободном напряжении внутреннего мира индивида. Общее переживается как свобода, представляя собой связанность с космическим тактом, добравшимся до глубин частного существа и втянувшим в свою закономерность массы свободолюбивых индивидуальностей. Общество, государство, нация оказываются следствием космической связанности, дающей рамки частным волениям, обеспечивая тем самым свободу, обрамленную границами обычая и закона. Именно поэтому цивилизации оседлы, а кочующие культуры поверхностны и дики. За возделанным полем начинается мир варварства, дикого существования свободных в движении, но поработанных примитивным уровнем жизни и мысли, народов.

Великое переселение народов – это великое вторжение

варварства в мир оседлой цивилизации. Массовые миграции – предвестник гибели, который либо превращается в приговор цивилизации, либо цивилизация выносит приговор мигрантам: угнетение, изгнание, ассимиляция. Выбор средств невелик, и все они кажутся «нецивилизованными», хотя только они и защищают цивилизацию от кочующих орд.

Потерянное время

Человеку кажется, что он властен над пространством – только потому, что способен перемещаться в нем. Но он не властен над временем. Прошлое не вернуть, а историю можно только оболгать, но нельзя изменить. Время необратимо, и мы хорошо знаем в повседневном опыте «стрелу времени». Разбившуюся вазу уже не восстановить. Можно только прокрутить в обратную сторону видеосъемку. И этот фокус забавляет, но не радует. Подспудно мы знаем об ограниченности своего личного времени и о своей ограниченной способности исследовать собственное время – предпосылки сегодняшнего момента. В природе мы предполагаем неизменный закон и ищем его в социуме. Среди людей общего закона нет. Есть только мудрость, чуткость, общие рекомендации жизненного опыта. И тонкие нюансы всегда ограждают все это от превращения в победный алгоритм. Как взять власть? Если бы алгоритм был известен, он был бы тут же разрушен, потому что претендентов на власть всегда много, и ни один из них не в состоянии завладеть универсальным средством возвышения над другими.

Шпенглеру очень хотелось увидеть время, проведя множество разграничений между античностью и более поздними временами. Ему казалось, что позы античных скульптур театральны, хотя все наоборот: это театральные позы заим-

ствовали осанку древнегреческих и древнеримских скульптур. Ему хочется думать, что лики античных скульптур не несут в себе никакой индивидуальности, которая (будто бы) появляется только в эпоху эллинизма. Это совершенно не так, поскольку характерность лиц в греческих терракотах доходит до гротеска и карикатуры. Божеству же не может быть приписана никакая характерность, потому что ее никто не мог лицезреть. Разница между богами – только в атрибутах. Если же взглянуть на лица куросов, то все они различны – несут на себе признаки индивидуальности конкретных личностей. Нет, греки прекрасно понимали время, и греческая трагедия связана с необратимостью, непоправимостью ситуаций, заставляющих хор петь о том, что лучше бы вообще не родиться.

Логика становления, будто бы постижимая современным человеком, иллюзорна. Загадка жизни и смерти неизменно поражает воображение творческой личности с античных времен. Как считает Шпенглер, греки были привязаны к мгновению настоящего. Но тогда почему же они так хранили нелепости мифологических историй и включенные в них крупинки исторического знания? Почему образованному греку надо было учить «Илиаду» и «Одиссею» и знать почти наизусть, слушая вариации рапсодов сотни раз за свою жизнь? И почему современный человек, считающий себя образованным, не помнит вообще ничего? Почему русский не помнит ни строчки из «Евгения Онегина»? Почему немец

знает о Гёте не больше русского? Избыток информации? Но у греков тоже была целая литература, которая утрачена – осталась только в случайно сохранившихся обрывках. Там тоже был избыток информации, но она распределялась на более важную и менее важную. А у современного человека вообще нет важной информации и почти нет ощущения разницы между правдой и ложью.

У греков было чувство истории и любовь к истории, а у современных людей его нет. Кроме занимательных анекдотов, прилипших к системе общего образования, современный человек не помнит и не знает практически ничего. И только необходимость получать средства к существованию побуждает его знать хоть что-то, но ни в коем случае ничего сверх того. Если Шпенглер мог этого еще не замечать, то теперь все это абсолютно очевидно. Человек начала XXI века деградировал настолько, что ему невозможно понять человека начала XX века. Точнее, это дано ничтожному меньшинству, которое сохранило человеческое достоинство – любопытство к феномену времени.

В чем Шпенглер точен, так это в том, что уже со Средних веков европеец старался закрепиться в истории, которую он пытался сделать автобиографией. Античные авторы не были столь заворочены перспективой оставить свой след. Поэтому мы сейчас точно не знаем, где Аполлодор, а где Псевдо-Аполлодор, где кончаются тексты Аристотеля, а где начинаются тексты его продолжателей. Точно так же для лето-

писцев Руси была важна фиксация исторических событий, а не собственное авторство. Нестор – это собирательный образ. Все летописцы – «несторы».

У разных культур свое чувство времени, свое понимание истории. Шпенглер считает, что понимание невозможно. Но во всякой ли культуре есть время? Неизменность жизни не позволяет заметить течение истории. Античность знала историю и понимала невозможность овладеть временем. Именно поэтому Шпенглер замечает приверженность античных греков к текущему моменту. Западный человек возомнил себя способным «оседлать» время, зафиксировав лишь ускоряющиеся изменения в его жизни. Но средневековый человек был в такой же ситуации, как и античный грек. Жизненные катастрофы, связанные с войнами, эпидемиями и природными катаклизмами приучали ценить момент и помнить о смерти. Современный человек перестал считать себя уязвимым, но стал куда более труслив. Он не признает героев, потому что сам хочет быть героем, но без всякого риска – виртуальным сверхчеловеком. Он знает, что защищен врагами, но всю жизнь боится умереть. Античный или средневековый человек знал, что его повседневность неизменна, а смерть рядом. И смело смотрел смерти в глаза, прославляя героев и проявляя личный героизм. Современность тонет в «массовом героизме», из которого извлекают частные истории для плакатных персонажей и пропагандистских подделок. Фронтовик становится античным человеком – он не бо-

ится неизбежной смерти. Или боится, но принимает ее как факт, от которого некуда деться. А если не признает, то погибает одним из первых.

Шпенглер путает моду на руины, начавшуюся в XVIII веке, со страстью к истории – будто бы совершенно уникальной. Но древний грек жил в городах, где храмы стояли многие века, а современный человек живет в среде, из которой история изгнана. Античный грек был частью истории, продолжая ритуалы и правила жизни десятков поколений его предков, а современный человек толком не знает, чем жили его деды и бабки. И уже не признает истинными никакие ритуалы, и сторонится их, чтобы оставить время на то, чтобы упиваться текущими моментом – «здесь и сейчас». История стала наукой, а у греков она пронизывала повседневную жизнь. Грек знал свою историю; современный человек – при всех прелестях всеобщего образования – не знает ничего. Он отрекся от своей истории, оставив ее историкам. Он потерял свою культуру, оставив ее узкому кругу эстетов. Он погибает в своем человеческом статусе и превращается в придаток технологий, не разбирающих никаких индивидуальных отличий и рассчитанных на самые примитивные способности.

Несомненной ошибкой Шпенглера является сближение культа Иисуса и Гора с христианским символизмом Богородицы и младенца Христа. А также противопоставление греко-римского культового символизма, который, будто бы, состоит только в фаллических и исключительно мужских ак-

центуациях. Нет сомнений, что Исида-Осирис имеют полный аналог в древнегреческом культе Семелы-Диониса. Это интерпретация одного и того же священного сюжета, восходящего к историческому событию, суть которого мы постигнуть не в состоянии. Греческий вариант сказания можно считать даже более драматическим, потому что в нем мать воскрешает сына, а в египетском сюжете – супруга.

Элладский период древнегреческой истории полон примитивных терракот с изображениями младенцев на руках у женщин с птицевидными головами. Этот культ простирается от Кипра до ареала трипольской культуры в степной зоне Восточной Европы, и вовсе не концентрировался в одном лишь Египте. Более того, птицеголовый Гор должен быть рожден от птицеголовой Исиды. Египетские скульптуры изображают Исиду и Гора людьми, а посмертный облик Гора (скульптурный или рельефный) – с головой сокола.

Возможно, Шпенглеру еще не были известны многочисленные вазописные сюжеты античного периода с матерью и младенцем. Сегодня они есть в любом музее с античными коллекциями.

Можно с уверенностью сказать, что никакого тысячелетнего провала в почитании матери с младенцем не существовало. И попытка связать этот выдуманный провал с кардинальным изменением отношения к истории (времени) оказывается несостоятельной. Напротив, древнегреческое искусство подтверждает, что от него исходят все культурные

стандарты просвещенных народов Европы – архетипы европейского самосознания с древнейших времен. Налицо не разрыв, а прямое наследие, которое требует отношения к Древней Греции не как к этнографической диковинке, а как к собственной предыстории. Забывший древнегреческую историю и культуру европеец теряет всякую надежду продолжить свою цивилизацию.

Факт, идея, истина

Что есть истина? Этот вопрос Понтия Пилата, обращенный к Иисусу Христу загадочен, в нем тайна истории. Он мог содержать мучительное переживание бессмысленности собственного существования, интерес римского провинциала к очередному бродячему философу, насмешку над никчемными умствованиями, чванливую надменность распорядителя судеб человеческих. Нам не откроется глубина этого вопроса, если мы пренебрежем историей Рима Первого, вместившего в себя учение Христа, сделавшего христианство мировым явлением.

Шпенглер обращает внимание только на один вариант ответа. Философская истина – нечто оторванное от жизни и в этой жизни ставшее пустым звуком. Потому что истины вечны, а значит, мертвы. Мысль изреченная есть ложь. Животная природа человека признает только факты. И никакого «теоретического понимания». Пока божественная природа озадачивает человека, животная побуждает к действию, опережая всякую мысль. Животная природа опережает, и кажется, что тактическое преимущество и неоспоримо.

«Действительная жизнь, история знает лишь факты. Жизнь, опыт и знание людей направлены только на факты. Деятельный человек, человек действующий, болящий, борющийся, который изо дня в день обязан самоутверждаться пе-

ред властью фактов, ставить их себе на службу или им покоряться, смотрит на голые истины свысока, как на нечто незначительное. Для подлинного государственного деятеля есть лишь политические факты и никаких политических истин. Знаменитый вопрос Понтия Пилата – это вопрос всякого человека дела». То есть, Шпенглер видит в словах Пилата только надменную насмешку практика над теоретиком. Но даже если это так, то практик был посрамлен: «теоретик» оказался гораздо более практичным.

Стратегия решает свои задачи медленнее, но всегда одолевает факт, на который так бурно и непосредственно реагирует тактика. В то же время стратегическое мышление может впасть в иллюзию бодрствования, уподобляясь старым богам, удалившимся от человеческих проблем. Истина может замкнуться сама на себя и забыть о человеке. Тогда человек дела получает бесспорное преимущество, а «чистая истина» оказывается бесплодной – гипертрофированной функцией обезумевшего рассудка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.